

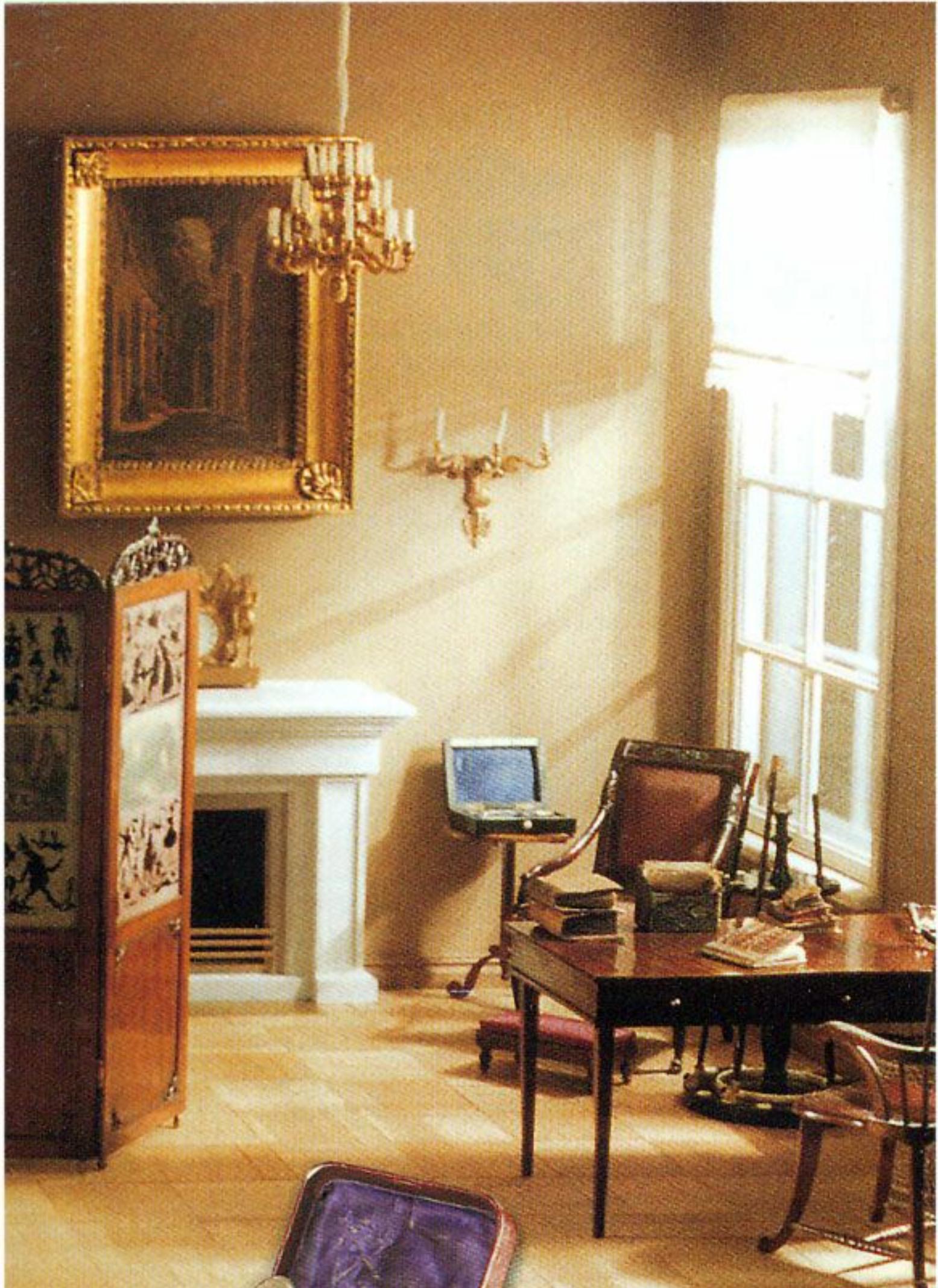
БИБЛИОТЕКА «АВРОРЫ»

НАЩОКИНСКИЙ ДОМИК

БИБЛИОТЕКА
«АВРОРЫ»

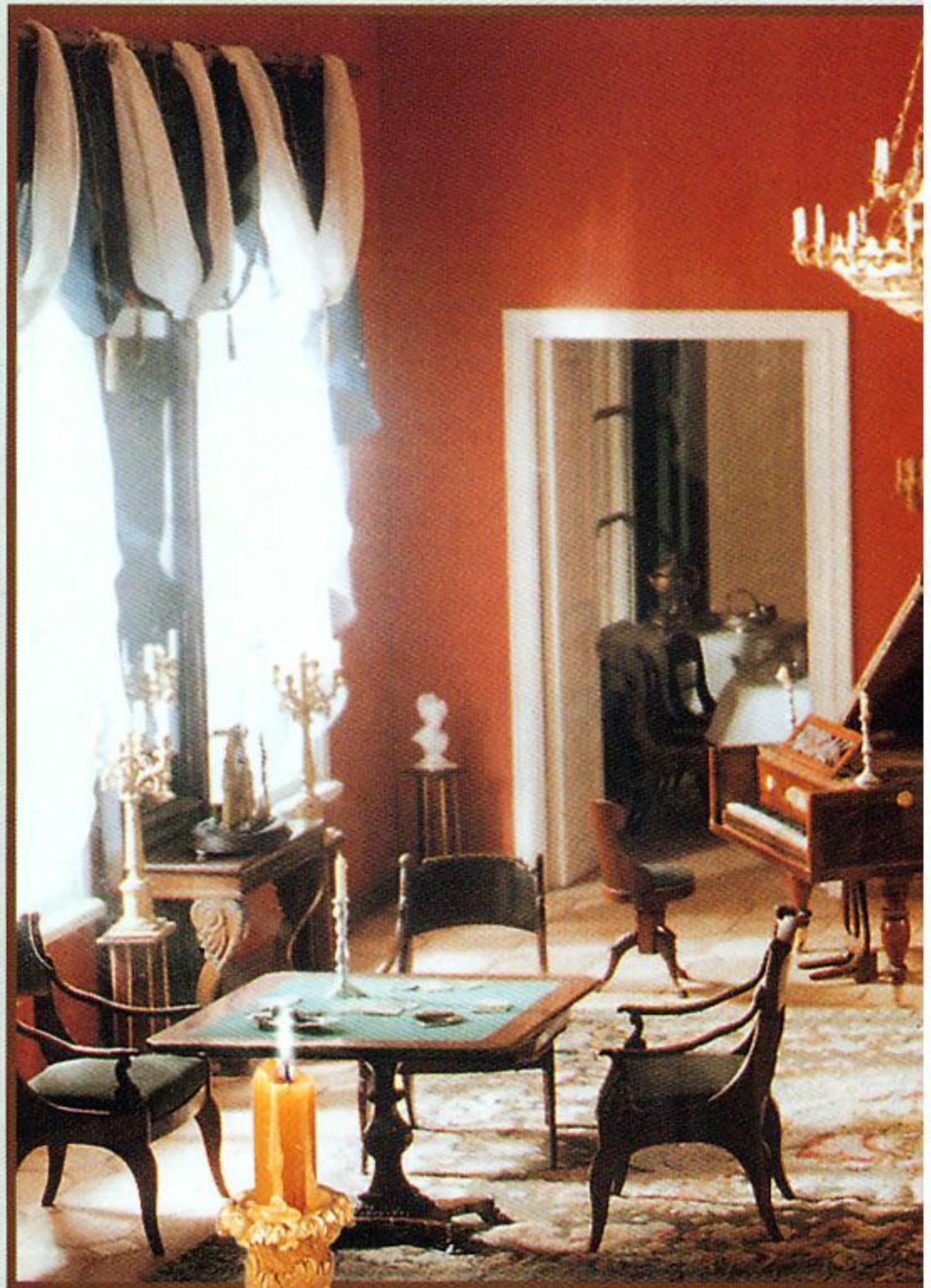

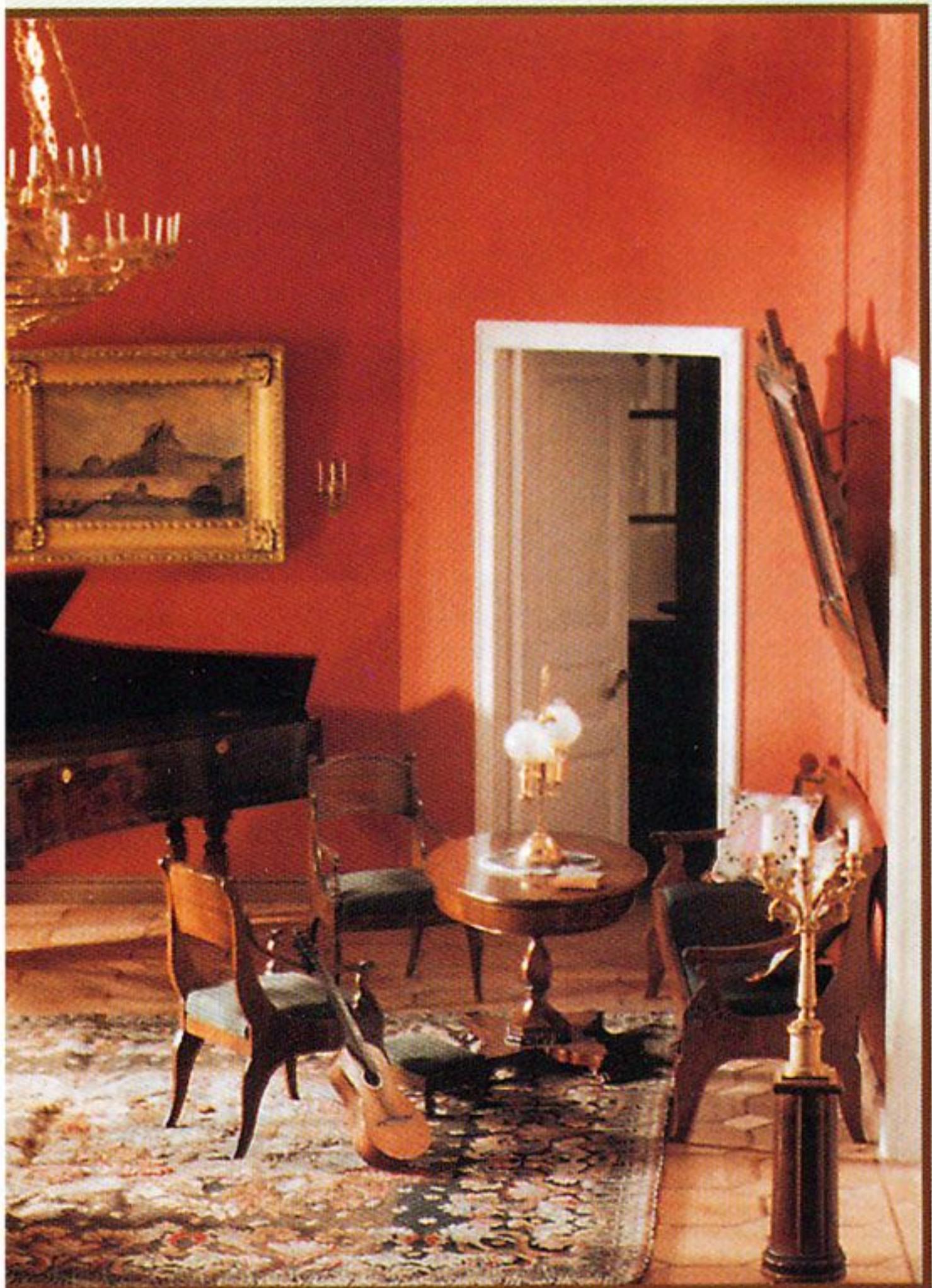
БИБЛИОТЕКА «АВРОРЫ»

НАЩОКИНСКИЙ ДОМИК

Граната НАЗАРОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АВРОРА» · Санкт-Петербург
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЯНТАРНЫЙ СКАЗ» · Калининград

Общий вид Наполинского дома
в экспозиции Всероссийского музея А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге. 2000.
Гостиная

Автор Г.И. НАЗАРОВА

Художник серии Е.П. ГАВРИЛОВ

Фотограф В.А. СТУКАЛОВ

© Г.И. Назарова, 2000: текст и составление

© Е.П. Гаврилов, 2000: художественное оформление, макет

© В.А. Стукалов, 2000: съемка. © А.В. Яковлев, 2000: съемка

© Издательство «Аврора», Санкт-Петербург, 2000

© ГИПП "Янтарный сказ", 2000

ISBN 5-7300-0684-5

Printed and bound in Russia

Традиция создания миниатюрных домов, дворцов и даже городов, наполненных копиями предметов, существует в Европе с конца XVII — начала XVIII века. В музеях Голландии и Германии и поныне хранятся замечательные кукольные домики. Один из наиболее ранних, датируемый 1690 годом, находится в Амстердаме. Он представляет собой собрание уменьшенных предметов богатого дома не только с жилыми комнатами, но и кабинетом искусств, коллекциями картин, библиотекой, составленной из миниатюрных книг, и многим другим. В нашей стране интерес к искусству создания миниатюрных вещей-игрушек впервые проявился в царствование Петра I. Уникальным по своим масштабам является кукольный дом княгини Августы Доротеи фон Шварцбург (1666—1751), получивший название «Монплезир», который находится в Арнштадте, в Тюрингии. В нем воспроизведены 26 домов, 84 комнаты, 411 кукол.

В России первой такой миниатюрной копией стал так называемый Нащокинский домик. По числу сохранившихся предметов (611) он не превосходит многие подобные ему модели, но в нем такое количество вещей пушкинского времени, какого нет ни в одном историко-бытовом или литературно-мемориальном музее первой трети XIX столетия. Среди русских аналогов с ним сопоставим созданный уже позже Сельский приказной дом, подаренный в 1848 году императором Николаем I его супруге Александре Федоровне в день рождения и хранящийся ныне в Петергофе.

При жизни Пушкина другу его, Павлу Воиновичу Нащокину, пришла на ум счастливая мысль: скопировать в уменьшенном виде свою квартиру со всеми находящимися в ней предметами обстановки.

Неизвестно, какую именно квартиру воссоздавал Нащокин, — за годы работы над моделью он несколько раз переезжал. Возможно, что первоначальная затея Нащокина переросла в желание воспроизвести богатый дворянский особняк, типичный для эпохи 1820-х — 1830-х годов. По словам Николая Ивановича Куликова, актера, близкого знакомого Пушкина и Нащокина, «предположив себе людей в размере среднего роста детских кукол, он (Нащокин. — Г. Н.) по этому масштабу заказывал первым мастерам все принадлежности к этому дому»¹. Так появился на свет знаменитый Нащокинский домик...

До нас дошло немало картин и рисунков, изображающих интерьеры пушкинского времени. Но они не дают полного, исчерпывающего представления о той или иной квартире, доме. Ведь на бумаге или полотне невозможно зафиксировать объемно и одновременно все комнаты и вещи, их наполняющие. Осуществив свой замысел, Нащокин сделал то, что неподвластно художнику: трехмерно и, как сказали бы мы теперь, одновременно запечатлев таким оригинальным способом для потомства обстановку дома, в котором неоднократно бывал Пушкин.

В музейном зале, за стеклом, мы видим мир маленьких вещей: стол, накрытый для обеда, стулья с плетеными сиденьями, диваны и кресла; на стенах — картины, с потолка спускаются золоченные бронзовые люстры, на ломберном столе лежит колода карт — все, как в настоящем доме. Разница лишь в том, что почти каждый предмет умещается на ладони! Однако это не просто игрушки или бутафория. Исполненные по заказу Нащокина искусствами краснодеревцами, бронзовщиками, ювелирами и другими мастерами, вещи Домика могут использоваться по назначению. Можно выстрелить из пистолета длиной в 4,4 сантиметра, вскипятить воду в самоварчике, который легко удержать двумя пальцами, зажечь масляную лампу с круглым матовым абажуром величиной с грецкий орех, можно ... да мало ли какие еще чудеса могут совершаться в этом создан-

Кукольный дом. Около 1690

255 x 198,5 x 78*

Государственный музей, Амстердам

* Здесь и далее размеры указаны в сантиметрах.

ном волею и прихотливым, благословенным для нас, желанием друга поэта необыкновенном микромире.

Некоторые мемуаристы писали, будто Нашокин строил Домик, чтобы увековечить в нем память о своем друге и поэте. Скорее всего, это легенда. Но тем не менее модель со временем обрела пушкинский ореол. Спустя годы и десятилетия она стала как бы овеществленной памятью о поэте: «Конечно, эта вещь драгоценна как памятник старины и кропотливого искусства, — писал А. И. Куприн, — но она несравненно более дорога

нам, как почти живое свидетельство той обстановки... в которой попросту и так охотно жил Пушкин. И мне кажется, что за жизнью этого человека, ушедшего больше чем в историю — в легенду, — гораздо точнее и любовнее можно следить по нащокинскому домику, чем по современным ему портретам, бюстам и даже его посмертной маске². Миниатюрные вещи Домика «помнят» Пушкина и могут по-своему поведать нам немало веселых и грустных историй о нем и его друге. Расскажем о том человеке, чье имя носит необыкновенный домик.

Незаурядная личность, удивлявшая современников живым умом, обширными знаниями и «превосходным сердцем», Нащокин не нашел свою стезю в жизни. «Это была неистощимо-добрая, талантливая Русская душа, каких у нас гибло и гибнет во множестве»³.

Павел Воинович Нащокин родился 8 декабря 1801 года. Он был выходцем из старинного дворянского рода, который ведет начало от боярина Дмитрия Дмитриевича Нащоки, получившего «сие наименование... потому, что на щеке имел рану от татар»⁴. Другой его предок, боярин Афанасий Лаврентьевич Ордын-Нащокин, дипломат при Иване Грозном, известен как «царственные большие печати и государственных великих дел оберегатель»⁵. Павел Воинович, как и Пушкин, гордился своими знатными прародителями и мог, подобно ему, сказать: «Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории...»⁶.

Дружба их началась в Царском Селе, где Пушкин учился в Лицее, а Нащокин — в Благородном лицейском пансионе. Не закончив курс, семнадцатилетний Павел поступил на военную службу, а в 1823 году вышел в отставку в чине поручика.

Знакомство, начавшееся в лицейские годы, прервалось высылкой Пушкина из Петербурга на юг и возобновилось только в 1826 году, после его возвращения в Москву. В то время вся Москва знала чудаковатого барина, славившегося своей безмерной щедростью, расточительством и хлебосольством. Это и был Нащокин. Как писали мемуаристы, он безотказно давал

Н.И. ПОДКЛЮЧНИКОВ
Семейный портрет Нащокиных. Начало 1840-х

деньги в долг, никогда не требуя возврата, а дом его сделался пристанищем многих званных и незваных гостей. Несколько раз он прогуливал и проигрывал все что имел, однако не унывал, надеясь на счастливый случай, который неизменно представлялся: либо он получал неожиданное наследство, либо кто-нибудь возвращал ему давний долг. Н.И. Куликов рассказывал, как однажды Нащокин, влюбившийся в актрису,

Э.А. ДМИТРИЕВ-МАМОНОВ

Портрет Н.В. Нащокина.

Начало 1850-х

Справа от фигуры Нащокина

бюст А.С. Пушкина работы И.П. Витали.

заплатил огромные деньги за маленький огарок свечи, перед которым она учila роль. Переодевшись в женское платье, он ухитрился даже наняться к артистке в горничные. Предполагают, что этот случай послужил Пушкину сюжетом для поэмы «Домик в Коломне».

Повеса, игрок, пустой человек? Да, таким и подчас только таким казался Нащокин многим современникам. Но те, кто знал его близко, как Пушкин, думали и писали о нем иначе: «Чем же Нащокин мог привлекать к себе... Умом. Да, умом

необыкновенным, переполненным не научной, а врожденной природной логикой и здравым смыслом; а рассудок, несмотря на безрассудное увлечение или страсть к игре... рассудок царствовал в его умной голове и даже был полезен для других людей, обращавшихся к его совету или суду...»⁷.

Веселый, открытый, безудержный нрав, доброта сердца, верность и преданность в дружбе — вот что пленяло Пушкина в характере друга.

Расцвет их дружбы приходится на самые трудные, последние годы жизни поэта, когда над его головой сгущались тучи, завязывались узлы в цепи обстоятельств, которые и привели к роковой дуэли. Это были годы одиночества поэта. Он не находил понимания среди друзей. И только один Нащокин («любит меня один Нащокин») понимал поэта, был терпим ко всем издержкам его характера. Особенно трогала Пушкина

в отношении к нему друга нежность, которой ему недоставало... Не раз Нащокин выручал Пушкина в трудных денежных обстоятельствах. Именно он помог ему выплатить большой карточный долг, сделанный еще до женитьбы, выпутаться из сетей картежного игрока В.С. Огонь-Догановского.

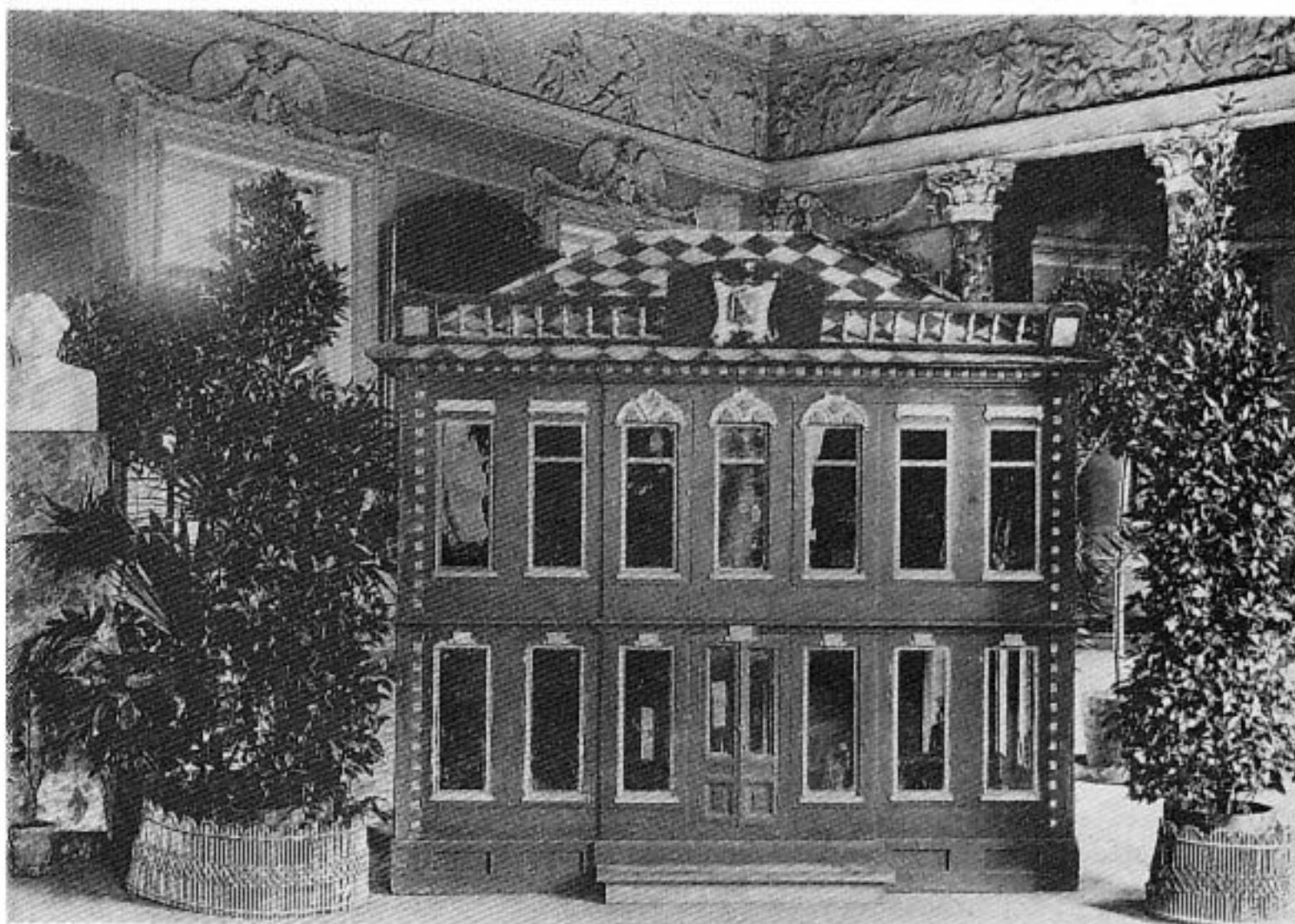
Нащокин пользовался совершенным доверием и уважением всех, знаяших его. Н.И. Куликов рассказывал: «... мужья и жены, родители и дети, утомленные семейными раздорами, не желая обращаться в суд, шли к Нащокину и просили, чтобы он их рассудил. Выслушав умное и справедливое решение Павла Воиновича, они принимали его беспрекословно и обычно мирились»⁸.

Все эти свойства ума и натуры Нащокина привлекали к нему многих известных писателей и людей искусства той поры: Н.В. Гоголя, В.А. Жуковского,

---

Общий вид Нащокинского домика

Реконструкция 1910 г. Фототипия

П.А. Вяземского, Е.А. Баратынского, М.С. Щепкина, А.Н. Верстовского, М.Ю. Виельгорского, К.П. Брюллова. Примечательно, что Гоголь впервые читал «Мертвые души» в доме Нащокина.

Пушкин ценил в нем строгого критика своих произведений, прислушивался к его замечаниям и суждениям, делился замыслами. Именно Нащокин рассказал поэту историю обедневшего белорусского дворянинаОстровского, которая стала сюжетной основой романа «Дубровский». Закончив первые восемь глав, Пушкин писал другу: «...часть имею тебе объявить, что первый том Островского кончен и на днях прислан будет в Москву на твое рассмотрение»⁹.

Колоритная фигура Нащокина вызывала интерес и у Пушкина-писателя. Он послужил прототипом для образа Пелымова, прожигателя жизни, вопреки обстоятельствам сохранившего живую душу, не растратившего себя, в незаконченном романе «Русский Пелам». Это сходство отметил первый биограф Пушкина П.В. Анненков. По его мнению, Нащокин «... отвечал намерению Пушкина — олицетворить идею о человеке нравственно, так сказать, из чистого золота, который не теряет ценности, куда бы ни попал, где бы ни очутился. Редкие умели так сберечь человеческое достоинство, прямоту души, благородство характера, чистую совесть и неизменную доброту сердца, как этот друг Пушкина... на краю гибели, в омуте слепых страстей и увлечений и под ударами судьбы...»¹⁰. Вслед за Пушкиным Гоголь придал черты Нащокина положительному герою второго тома «Мертвых душ» — Хлобуеву.

В 1840-е годы, когда Нащокин разорился, Гоголь принял самое живое участие в его судьбе, хлопотал об устройстве воспитателем в семью купца Д.Е. Бенардаки. «Я давно размышлял об вашей части, — писал Гоголь, обращаясь к Нащокину. — Вы провели, по примеру многих, бешено и шумно вашу первую молодость, оставив за собою в свете название повесы. Свет остается навсегда при раз установленном от него же названии. Ему нет нужды, что у повесы была прекрасная

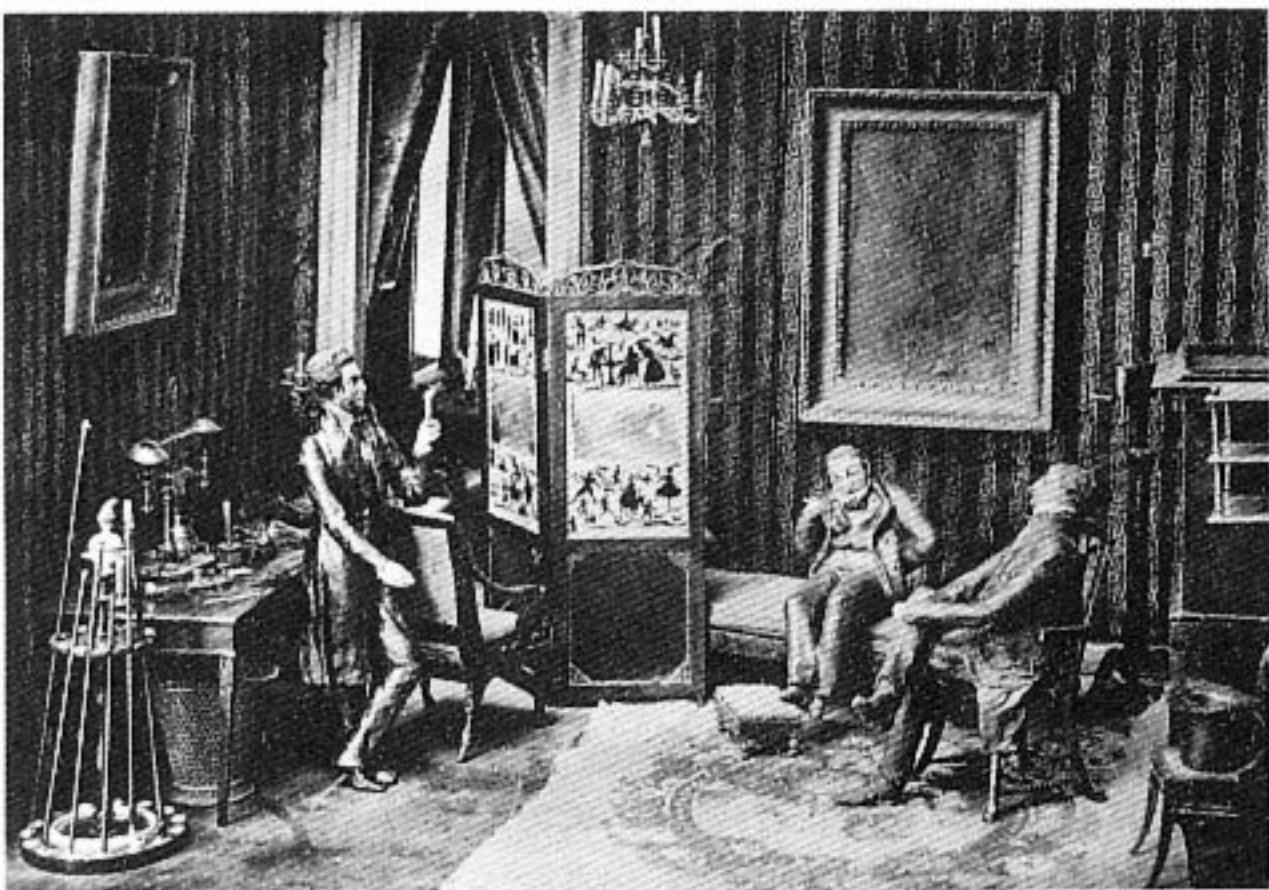
душа, что в минуты самых повесничеств сквозили ее благородные движения, что ни одного бесчестного дела им не было сделано... Я ему [Бенардаки. — Г.Н.] рассказал все, ничего не скрывая, что вы промотали все ваше имение, что провели безрасчетно и шумно вашу молодость, что были в обществе знатных повес и игроков и что среди всего этого вы не потерялись ни разу душой, не изменили ни разу ее благородным движениям, умели приобрести невольное уважение достойных и умных людей и с тем вместе самую искреннюю дружбу Пушкина, питавшего ее к Вам преимущественно перед другими до конца своей жизни»¹¹.

Смерть Пушкина потрясла Нащокина. Услышав страшное известие, он лишился чувств и долго не мог оправиться от этого удара. Он мучился тем, что не уберег друга от гибели. Об этом говорит в своих воспоминаниях В.А. Нащокина: «...я уверена, что узнай мой муж... о предстоящей дуэли Пушкина с Дантесом, он никогда и ни за что бы ее не допустил и Россия не лишилась бы так рано своего великого поэта... Ведь уладил же Павел Воиновичссору его с Соллогубом, предотвратив дуэль, уладил бы и эту историю»¹². О том же писал и Н.И. Куликов: «Павел Воинович доказывал нам, и мы согласились с его доказательствами, что, если бы он жил в Петербурге в роковом 1836—1837 году, — дуэль Пушкина не состоялась бы: он сумел бы расстроить ее без ущерба чести обоих противников»¹³.

Нащокин умер, не дожив до 54 лет. Он скончался коленопреклоненным, во время молитвы.

Образ друга Пушкина будет неполным без рассказа о знаменитом его создании — Нащокинском домике.

Нащокинский домик — бесценная реликвия пушкинской поры. Поэт видел Домик и восхищался им. Интересно, что именно он, единственный из современников, писал об этом редкостном произведении прикладного искусства. Трижды упомянул Пушкин о Домике в письмах к жене из Москвы. Первый раз 8 декабря 1831 года: «Дом его (Нащокина. — Г. Н.)... отделяется; что за подсвечники, что за сервиз! он заказал фортепьяно,

Комната Пушкина
Реконструкция 1910 г. Фототипия

на котором играть можно будет пауку, и судно, на котором испразнится разве шпанская муха»¹⁴. Следующее письмо написано не позднее 30 сентября 1832 года: «С Нащокиным вижусь всякий день. У него в домике был пир...»¹⁵. И последнее — от 4 мая 1836 года: «Домик Нащокина доведен до совершенства — недостает только живых человечков. Как бы Маша (дочь А.С. Пушкина. — Г.Н.) им радовалась»¹⁶.

Известно, что Пушкины видели Домик в 1830 году будучи в Москве, вскоре после свадьбы. Таким образом, рождение Нащокинского домика можно датировать временем не позднее 1830 года. Из письма от 8 декабря 1831 года явствует, что к тому времени в нем были фортепьяно, сервиз, подсвечники и, несомненно, многие другие вещи, изготавливались новые предметы, т.е. происходила «отделка». Это позволяет думать, что строительство Маленького домика, как называл Павел Воинович миниатюрную копию своей квартиры, началось значительно раньше, в 1820-е годы, возможно в то время, когда Нащокин жил в Петербурге, о чём

свидетельствует один из современников Нащокина и Пушкина в своих мемуарах: «На этот домик ... съезжалось любоваться все лучшее тогда петербургское общество, впрочем и было чем любоваться»¹⁷.

В 1830 году Пушкин написал стихотворение «Ново-селье», без сомнения адресованное Нащокину:

*Благословляю новоселье,
Куда домашний свой кумир
Ты перенес — а с ним веселье,
Свободный труд и сладкий мир.*

*Ты счастлив: ты свой домик малый,
Обычай мудрости храня,
От злых забот ё лени вялой
Застраховал, как от огня.*

О том, как наполнялась модель вещами, писал знакомый Пушкина и Нащокина, писатель А.Ф. Вельтман. В его повести «Не дом, а игрушка!» представлена сцена, когда герой – «барин», то есть Нащокин, – раздает заказы мастерам. К нему приходит «форточник», вслед за ним мебельный мастер, потом приказчик из «хрустального» магазина. «Одному заказал барин роскошную мебель рококо в седьмую меру против настоящей, другому в ту же меру – всю посуду, весь сервиз, графины, рюмки, форменные бутылки для всевозможных вин.

Таким образом началась стройка и меблировка игрушки, а не дома. Знакомый живописец взялся поставить картинную галерею произведений лучших художников. На ножевой фабрике заказаны были приборы, на полотняной – столовое белье, меднику – посуда для кухни, словом, все художники и ремесленники, фабриканты и заводчики получили от барина заказы на снаряжение и обстановку богатого боярского дома в седьмую долю против обычной меры.

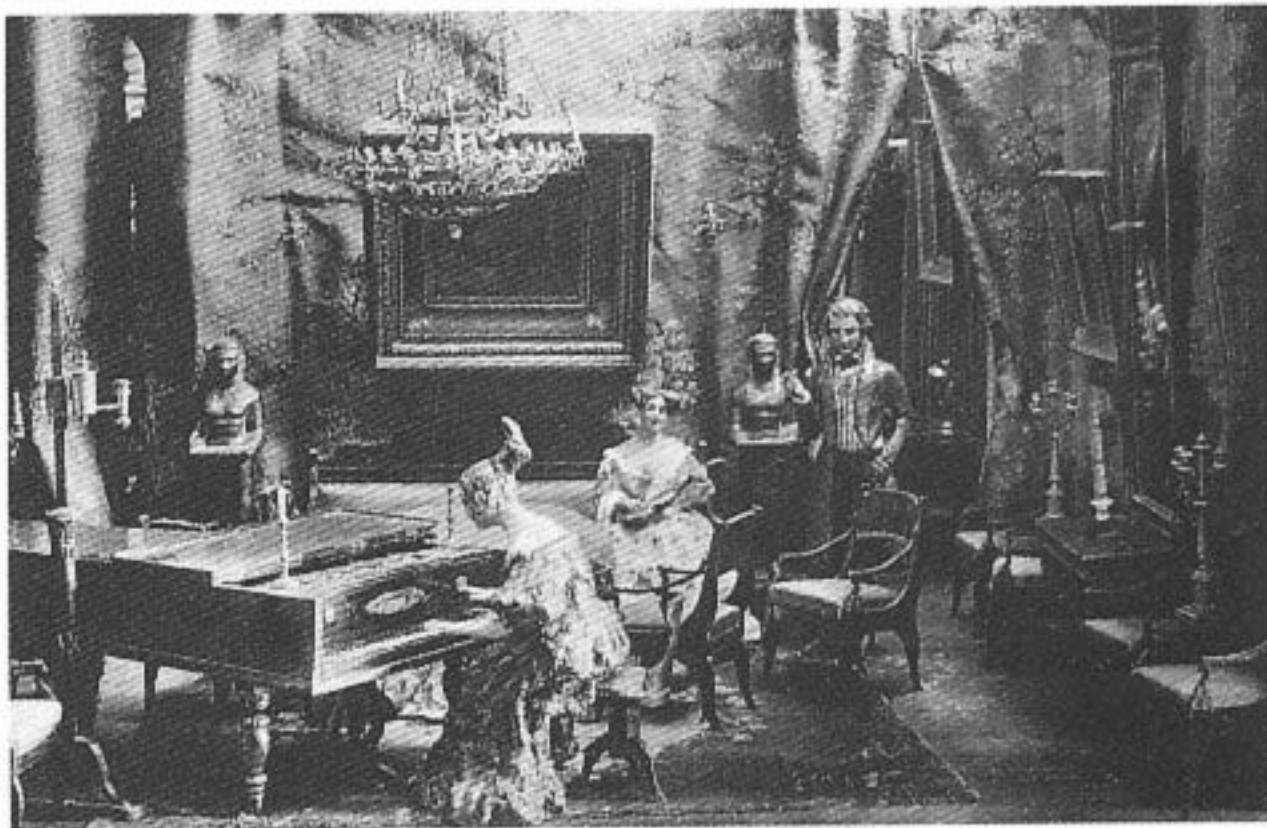
Барин не жалел и не щадил денег.

Вот и готов не дом, а игрушка. Стоит чуть ли не дороже настоящего...»¹⁸.

Вероятно, Вельтман знал со слов самого Павла Воиновича, что Маленький домик обошелся ему в 40 тысяч рублей. Отметим, что на эту сумму в то время можно было приобрести настоящий особняк.

До нас не дошла архитектурная оболочка Нащокинского домика. Не сохранились и какие-либо изображения или описания его внешнего вида ранее 1866 года, поздние же описания разноречивы и не всегда точны. Наиболее достоверными, хотя также не лишенными ошибок памяти, приходится считать свидетельства современников П. В. Нащокина — Н. И. Куликова и В. В. Толбина. Последний вспоминал: «Домик этот... был продолговатый правильный четырехугольник, обрамленный богемскими зеркальными стеклами, и образовывал два отделения, верхнее и нижнее. В верхнем помещалась сплошная танцевальная зала со столом посредине, сервированным на шестьдесят кувертов... нижний этаж представлял жилые покой и был наполнен всем, что только требовалось для какого-нибудь великогерцогского дворца»¹⁹.

Художник Сергей Александрович Галяшкин, устроитель выставки Нащокинского домика в Петербурге и Москве (1910—1911), сделал попытку воссоздать модель. Очевидно, следуя приведенному описанию Толбина, он соорудил деревянный дом в полтора человеческих роста, в комнатах которого: гостиной, столовой, кабинете и других — разместил сохранившиеся к этому времени вещи Маленького домика. После 1917 года Нащокинский домик экспонировался в Москве в Государственном Историческом музее (до 1937), на Всесоюзной Пушкинской выставке 1937 года и в Государственном музее А. С. Пушкина (1938—1941). Во время Великой Отечественной войны он был эвакуирован в Ташкент. С 1952 по 1964 год модель находилась в экспозиции Всесоюзного музея А. С. Пушкина в Ленинграде, размещавшейся в залах Эрмитажа. Домик был представлен без архитектурного обрамления, лишь в виде интерьеров, составленных из дошедших до нас вещей. В них, имевших

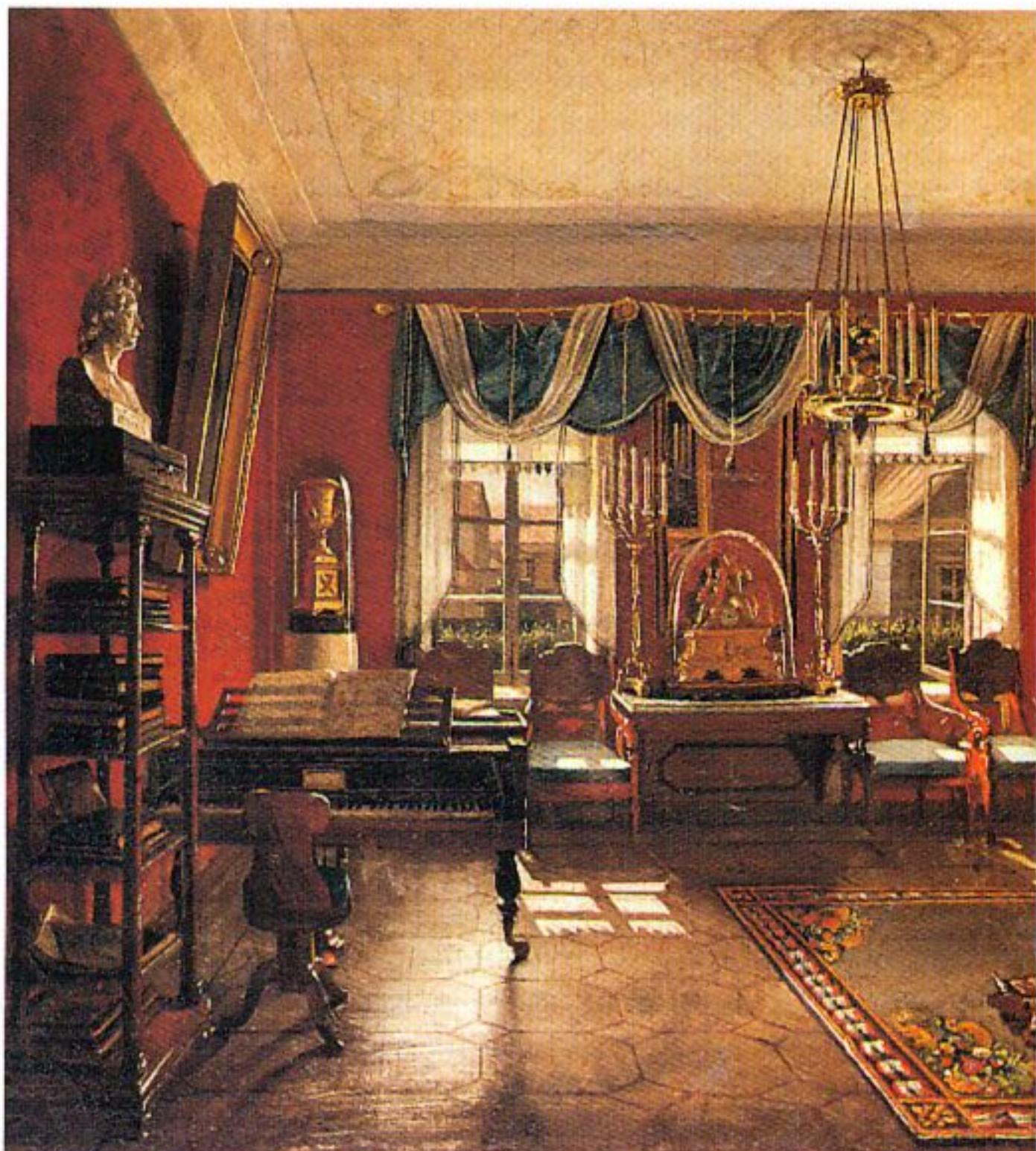
Гостиная
Реконструкция 1910 г. Фототипия

характер театральных декораций, окраска стен, лепка потолков, паркетные полы делались максимально приближенными к стилю 1830-х годов.

Макет, выставленный в помещении церковного флигеля Екатерининского дворца в городе Пушкине (1967—1988), принципиально отличался от предыдущих условно-нейтральной отделкой: стены, потолки, полы, двери и т. п. были выкрашены в белый цвет, чем нарочито подчеркивалась непричастность такой отделки к изначальной, и, таким образом, внимание посетителей музея сосредотачивалось на подлинных вещах Нащокинского домика.

Сейчас макет Нащокинского домика находится в экспозиции Всероссийского музея А. С. Пушкина в Санкт-Петербурге.

Судя по набору сохранившихся миниатюрных предметов, можно сказать определенно, что в Домике были типичные для дворянской квартиры комнаты: гостиная или зал, столовая, буфетная, кабинет, бильярдная, спальня, будуар, детская, кухня, хозяйствственные помещения. Очень возможно, что в этот перечень

входила и так называемая Пушкинская комната — копия той, о которой рассказала в своих воспоминаниях Вера Александровна Нащокина: «Я имела счастье принять Александра Сергеевича у себя дома... Для него была даже особая комната в верхнем этаже, рядом с кабинетом мужа. Она так и называлась Пушкинской»²⁰.

Существует мнение, что мебель для Домика Нащокина «работал Гамбс»²¹. Но какой именно? Петр Гамбс — сын знаменитого придворного мастера Генриха Гамбса? Возможно. Однако точных сведений у нас нет. Нельзя отказаться и от предположения,

Н.И. ПОДКЛЮЧНИКОВ
Гостиная в доме Нащокиных. 1838–1839

Слева, на этажерке, бюст А.С. Пушкина работы И.П. Витали.

что Нащокин заказывал миниатюрную мебель Аристу Гамбсу, который, согласно сохранившимся счетам, поставлял мебель Пушкину. Но и это лишь догадка.

Мебель Нащокинского домика отличается техническим совершенством, отменным мастерством исполнения, свидетельствует о безукоризненном вкусе заказчика.

Начнем с гостиной. В ней размещаются столы, диван, кушетка, кресла, банкетки, подножные скаме-ечки, канделябры, торшеры, бра, зеркала. Трудно решить, какая вещь сделана лучше: торшер красного дерева, поверхность которого покрыта тонкими нежными розетками и резными узорами с готическими мотива-ми, а вершина стержня украшена точеной вазочкой из белой кости, или легкий, но устойчивый стул типично русской конструкции, с так называемой боковой рамой. Его гладкая поверхность лишена украшений, но как изящен плавный силуэт чуть выгнутых ножек и вырезной спинки! Кресла, украшенные резьбой, не усту-

Гарнитур из гостиной
Красное дерево

пают в красоте и тонкости отделки стройным торшерам, ширмам, нарядным зеркалам. Не стерлась от времени, не потускнела полировка снаружи и внутри предметов: откроешь ящик стола или буфета и ... восхитишься отделкой — пальцы ласкает зеркальная гладь любовно обработанного дерева!

В те годы, когда создавался Домик, Нащокин несколько раз менял квартиры и, очевидно, обстановку. Были даже случаи, когда, по словам мемуариста, в доме разорившегося Нащокина топили печи мебелью красного дерева. Но, разбогатев в очередной раз, Павел Воинович приобретал новые вещи для своей квартиры.

Поэтому среди вещей, изображенных на полотне Н.И. Подключникова «Гостиная в доме Нащокиных», мы узнаем лишь стул к роялю и сам рояль Нащокинского домика (хотя между ним и тем, который представил художник, есть небольшая разница в деталях). Остальные предметы отличаются от имеющихся в модели.

Кресло и торшер
Красное дерево; высота 18,5 и 41,5

Вышивка

Атлас, шелковая нить; 8,2 x 7,2

Картина «Гостиная в доме Нащокиных» является бесценным документальным материалом. Перед нами вид гостиной, где проводил долгие часы в задушевных беседах с Павлом Воиновичем и Верой Александровной А.С. Пушкин. С годами полотно стало также своего рода «меморией»: вместе с семьей Нащокина здесь незримо присутствует Пушкин.

Скульптурный бюст поэта,

изваянный И.П. Витали по заказу Павла Воиновича Нащокина вскоре после смерти его друга, стоит на верхней полке высокой этажерки.

Вкусы Нащокина, ценителя живописи, отразились в подборе произведений картинной галереи Маленького домика. Гостиную, кабинет и другие комнаты украшали уменьшенные копии полотен западноевропейских художников. Их имена долгое время оставались неизвестными. В поисках сведений о них помогли сотрудники Эрмитажа Мария Илларионовна Щербачева, специалист по голландской живописи, и Анна Григорьевна Барская, знаток искусства французских живописцев. Сейчас в Домике одиннадцать картин, но их было, конечно, значительно больше. Оправленные в золоченые рамы, они производят впечатление настоящих произведений живописи.

Предметы, заполнявшие интерьеры, органически сочетали целесообразность и удобство, рационализм и утилитарность с красотой. В гостиной висела большая трехъярусная

Стул
с плетеным сиденьем
Красное дерево; высота 16

люстра золоченой бронзы. Две другие, парные бронзовые люстры на 18 свечей (диаметр каждой 9), висели, очевидно, в столовой или гостиной. Кроме того, убранство парадных комнат дополняли изящные бронзовые канделябры (высота 15) в виде колонн, увенчанных факелами, с четырьмя рожками для свечей, а также стенники, или бра, — типичные осветительные приборы того времени.

Достоверных сведений нет, но, судя по тому, с каким блеском и совершенством выполнены изделия из бронзы, вполне можно предположить, что в числе мастеров, работавших по заказу Нашокина, был знаменитый французский бронзовщик Пьер Филипп Томир.

Из воспоминаний Толбина мы узнаем, что в гостиной Нашокинского домика висели и серебряные люстры. Судьба их неизвестна, но, к счастью, уцелели подсвечники из серебра, которыми восхищался Пушкин. Сохранилось несколько пар традиционных по форме (в виде баласин) серебряных подсвечников разного размера. Высота самых маленьких 2 сантиметра. Специально для этих подсвечников, люстр, бра, канделябров отливались восковые свечи (диаметр 0,3; длина 2).

В 1830-е годы вошли в обиход масляные лампы. Их называли кенкетными, или кенкетками, по фамилии изобретателя — француза Кенке. Они состоят из двух частей: резервуара для масла и горелки с отверстиями для выхода газа. По узкой латунной трубочке масло переливалось в горелку. Как и в современных керосиновых лампах, фитиль

Канделябр

Бронза золоченая; высота 15

Люстра
Бронза, золочение; диаметр 19

Большая трехъярусная люстра на 24 свечи — шедевр прикладного искусства. По своей форме она напоминает широкую вазу или плафон. Ажурная чеканка придает ей особый блеск, кажется, что она сделана из золотого кружева! Нижний ярус составлен из фигурок амуров, соединенных гирляндами цветов. Прорезное дно «вытыкано» узорами из розеток, виноградной лозы, пальметок. Литая бронзовая шинка свисает из середины дна, завершая композицию этой необыкновенной люстры.

закрывался цилиндрическим стеклом, на которое надевали абажур — матовый шар с узором по окружности. В зависимости от потребности, освещение усиливали или уменьшали, но не ослабляя огонь (такого устройства еще не знали), а двигая лампу, висевшую на особом бруске, надетом на стержень торшера. С помощью винта брусков вместе с лампой поднимали или опускали ближе к месту, где нужен был более яркий свет.

В Домике имеется несколько таких ламп. Кенкетные лампы сделаны из золоченой бронзы. Одна из них настольная, остальные — подвесные: двойные и одинарные, с одним рожком.

В Маленьком домике Нащокина есть редкостная вещь, неотделимая от свечей, — так называемые щипцы-съемы из тульской стали для срезания нагоревшего фитиля и снятия воска.

Щипцы-съемы и лоточек

Сталь, гравировка, позолота; длина 4,2 и 6

Съемы напоминают собой ножницы с фигурными ручками и одним острым концом. На блестящей поверхности ножниц тульский мастер способом травления выгравировал и отделал позолотой пейзаж с сельским домиком на фоне снежных гор.

Пейзаж повторен на лотке.

Бра

Бронза золоченая; высота 5

В Нащокинском домике сохранились бронзовые бра разного фасона, в том числе одна пара, характерная своим, типичным для того времени, мотивом: головка амура с надутыми щечками, изо рта которого торчат три стрелы с укрепленными на них свечниками.

Нащокин славился как щедрейший человек и хлебосол. «Обеды заказывать и говорить про кушанья он (Нащокин. — Г.Н.) был большой охотник... у него потчевали гостей до упаду... на обеды он приглашал за несколько дней, а в день обеда присыпал дворецкого напомнить, чтоб не забыли»²².

Столовая и буфетная — отнюдь не второстепенные комнаты в Маленьком домике. Главный предмет обстановки первой — обеденный стол-сороконожка. Хотя и не сорок, но двадцать стройных, выточенных в виде балясин ножек, обутых в латунные башмаки с колесиками вместо подошв, поддерживают столовую доску с закругленными краями. По словам Н. И. Куликова, «...раздвижной обеденный стол работал Гамбс»²³.

В квартирах пушкинского времени рядом со столовой обычно находилась буфетная, или буфет, как говорили в то время; сюда приносили готовую пищу из кухни.

Из обстановки буфетной в Домике сохранились два простых четырехугольных сервировочных стола (высота 14), покрытых скатертями, заказанными предположительно в Голландии, и буфетный шкаф,

Круглый стол

Красное дерево; высота 14,5

Такой стол, окруженный креслами, обычно ставили посередине комнаты.

в котором размещалась разнообразная посуда. В буфетной или бельевой находился пресс для салфеток.

Пушкин в письме к жене описал шуточный обед в столовой Нащокинского домика: «... подали... мышонка в сметане под хреном в виде поросенка. Жаль, не было гостей». И наверное, в тот день стол украшал

Раздвижной обеденный стол-сороконожка
Красное дерево; длина 38

При необходимости стол-сороконожка легко раздвигается. По окончании трапезы его сдвигали, он становился круглым и занимал мало места, либо для большего удобства его разделяли на две половины и каждую придвигали к стене прямой стороной. Вокруг «сороконожки» расставляли стулья с вкладными сиденьями, соответственно кувертам (приборам) — по одним сведениям их было 24, по другим — 60.

обеденный сервиз белого фарфора с позолотой: суповая миска, блюдо для пирожков, соусник, глубокие и мелкие тарелки, сделанные на фарфоровом заводе А. Г. Попова в подмосковном селе Горбунове. На донышках каждого предмета — синяя подглазурная марка мануфактуры.

Столовое серебро Домика хранилось в погребце. Слово «погребец» чисто русское, от глагола — погребать, прятать. В такой сундучок укладывали серебряные приборы, которые брали в дорогу вместе с дорожным самоваром, посудой для обеда и чая. В погребце размещались ложки, вилки, ножи, лопаточки для пирога, поварешка, кольца для салфеток и даже подсвечники.

В сервировку обеденного стола входили бутылки, графины для уксуса, масла и т. п. Они вставлялись в обоймы серебряных судков с удобной для переноса фигурной ручкой. В Маленьком домике чудом уцелели крохотные рюмки (высота 2,3), бокалы белого и лилового стекла (высота 3,3), зеленого стекла в виде цветка ландыша с витой ножкой (высота 3).

По словам мемуариста, «сводчатый подвал под домиком вмещал погреб, в котором <...> хранились всевозможные дорогие вина, укупоренные за границею»²⁴.

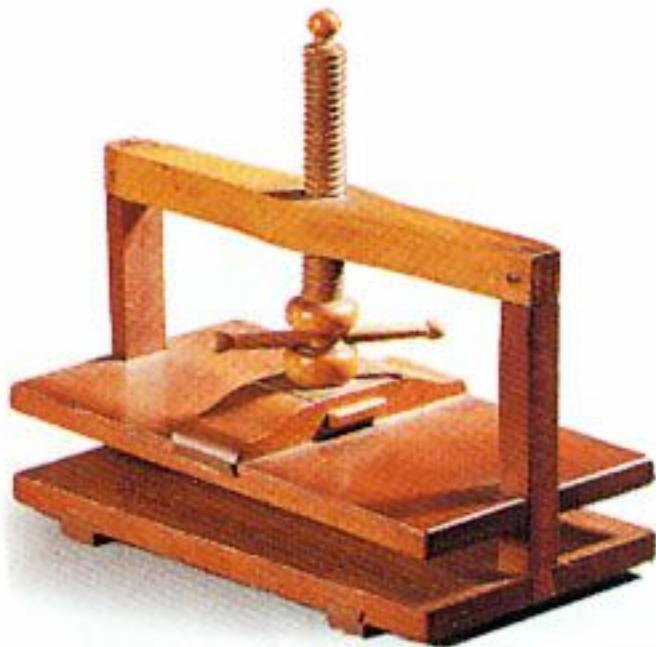
Обстановку дома, даже обветшавшую, часто берегли как ценность ушедшей эпохи, а кухонную утварь, когда она приходила в негодность, выбрасывали. Сохранившейся же кухонной посуды Домика достаточно, чтобы приготовить целый обед! Вот почему она представляет особый интерес для изучения хозяйственного быта пушкинской поры, тем более, что многие из предметов уже давно вышли из употребления.

Буфетный шкаф

*Красное дерево;
высота 37*

Двухъярусный, со съемной верхней половиной, буфетный шкаф типичен по своему виду и конструкции для 1820-х—1830-х годов. После небольшой реставрации буфет Домика в хорошем состоянии: вновь изготовленными (взамен утраченных) ключиками отпираются замки, открываются дверцы и ящики, с помощью крохотных костяных ручек выдвигаются находящиеся под ними доски.

Пресс для салфеток
Дерево; высота 13

Заменил современный углог. На деревянное основание пресса укладывали салфетку, сверху на нее при помощи винта с рукояткой опускали массивную гладкую доску.

В Домике сохранилась многочисленная кухонная утварь: несколько медных, вылуженных внутри кастрюль разного размера (диаметр одной из них 7,8; высота 2); глубокие и мелкие сковородки (диаметр одной из них 5; высота 3,5); рыбница с вложенным в нее прорезным дном для варки на пару (высота 2,8; длина 12,2); вафельница, похожая на щипцы с длинными рукоятками, чтобы удобно было вставлять ее в печь; сотейник — чугунок для тушения мяса на трех высоких ножках, чтобы не пригорало, с узким носиком для слияния соуса; горшки — в них варили кашу, картофель, парили овощи, топили молоко; корчага — больший, по сравнению с другими, горшок для щей, кваса или пива; миски, тазики, ступки с пестиками, лист для кулебяки, ларец для пряностей, дуршлаги, щипцы для колки орехов, формы для пирожного и мороженого.

Как известно, в пушкинское время, чтобы сварить пищу, приготовить чай, надо было истопить печь или плиту и обязательно, как говорили в старину, «поставить самовар».

В. И. Даль объясняет слово самовар как «водогрейный для чаю, сосуд с трубой и жаровнею внутри»²⁵. В то время этот хитроумный «сосуд» употребляли повсеместно, и он стал едва ли не предметом первой необходимости в домашнем хозяйстве. Можно ли представить себе дворянскую усадьбу пушкинского времени, квартиру чиновника, ремесленника, избу

Ступка
Медь;
длина пестика 6,7

зажиточного крестьянина²⁶, почтовую станцию, трактир без самовара? Он был символом домашнего уюта и гостеприимства. В одиночку чай пили редко. Ведь поставить самовар было делом нескорым и хлопотливым: принеси воды (иногда целое ведро), припаси углей, наколи лучину, сунь ее в трубу, подожги для разогрева углей, раздуй огонь... И вот он шумит, ворчит, пыхтит — зовет к себе на угощенье. «Самовар кипит — уходить не велит», — гласит пословица.

Из воспоминаний Веры Александровны Нащокиной известно, что и сам поэт любил чаевничать, пил чай помногу. Современники рассказывают, как, будучи проездом в Торжке, Пушкин увидел самовар с краном в виде головы орла. Поэт попросил у хозяйки разрешения самому наполнить стакан, чтобы повернуть этот причудливый кран. Надо думать, что самовары Нащокинского домика также вызывали живой интерес Пушкина, внимательного к вещам.

Среди хозяйственной утвари Маленького домика сохранились пять самоваров: один медный и четыре

Предметы Большого чайного сервиза
Серебро, позолота

Заварной чайник (высота 3), сахарница, полоскательница, сухарница имеют округлые очертания. Оригинальная форма бортиков и «ложечная» форма нижней части всех предметов сервиза придают им изысканную красоту, подчеркнутую блеском позолоты, покрывающей посуду изнутри. Не этим ли сервизом восхищался Пушкин:
«...что за сервиз!»

Предметы Малого чайного сервиза
Серебро

Предметы этого сервиза гораздо меньше размером, чем Большого. Однако Малый сервиз по своему составу полнее. В него входят: чайник (*высота 1,5*), сахарница (*высота 1*), сливочник, полоскательница, чашка с блюдцем, стакан. Все они яйцевидной формы, с ручками-загибами, напоминающими улитку, у самовара и чайника «утиные» носики. Плато (*ширина 6, длина 5*) покрыто гравированным геометрическим рисунком, края ограждены невысоким бортиком для того, чтобы пирог не сдвигался, когда его будут резать, а выпавшая начинка несыпалась на стол.

серебряных. Особенно хорош самый большой. На внутренних стенках видны следы накипи: когда-то в нем кипятили воду!

Чай готов, рядом с самоваром стоит прекрасная серебряная и фарфоровая посуда. Характерная отделка серебряной посуды — позолота. Большой чайный сервиз Домика без преувеличения можно назвать замечательным изделием ювелирного искусства.

Позолотой отделаны также фарфоровые чашки с блюдцами из чайного сервиза, который, к сожалению, целиком до нас не дошел. Нежный, палевый цвет фарфора оттенен золотом, который покрывает внутреннюю поверхность чашек, ручек, блюдец.

Говоря о серебряной посуде Нащокинского дома, нельзя не упомянуть еще один чайный сервиз. В домах с достатком было несколько самоваров. Так и в Домике Нащокина, кроме тех, которые мы описали, сохранились еще три очень схожих между собой серебряных самоварчика. Все они имеют типичную для

1820-х — 1930-х годов яйцевидную форму. По всей вероятности, при каждом из них был свой сервиз, но до нас дошел лишь один набор чайной посуды — Малый сервиз. В нем только одна чашка с блюдцем. Если здесь не было потерь, то можно считать, что этот сервиз — на одну персону. К составу Малого сервиза следует отнести еще один предмет, почти совсем исчезнувший из нашего быта, — плато для пирогов — своеобразный поднос на высоких ножках в виде завитков.

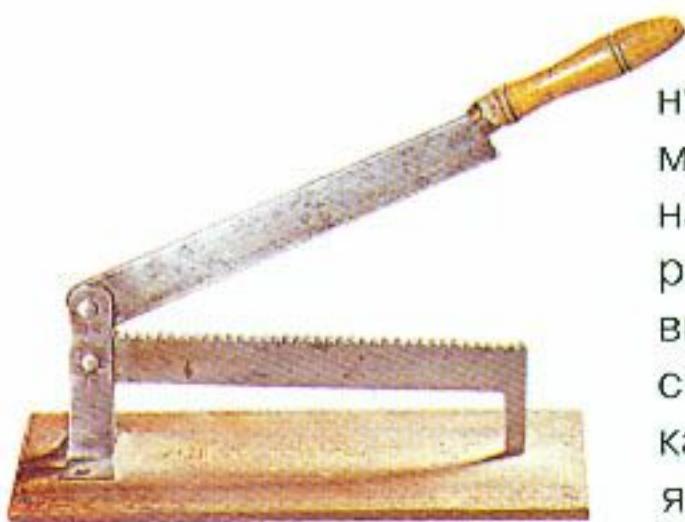
В Нащокинском домике насчитывается несколько серебряных и медных подносов разного назначения. Самый большой из серебряных подносов (длина 17) окаймлен по борту чеканным растительным орнаментом, составленным из цветов и листьев; по краю меньшего идет плавная, волнообразная линия орнамента, который так и называется «волна». Среди посуды Домика уцелела серебряная с позолотой ложка-ситечко. Чайники вытряхивали в полоскательницу, а ложку клали на бронзовый подносик, специально для нее предназначенный.

В ту пору кофе не имел такого широкого распространения, как в наше время, но за столом у Нащокина, Пушкина, Онегина кофе, конечно, был всегда. Нащокин заказал для своего Домика серебряный кофейник конусообразной формы (высота 4,5) с ручкой в виде стеблей и листьев, таганчик с треножником в середине (высота 2,8) и спиртовку (диаметр 1).

Заметим, что в кухонном хозяйстве Домика есть специальная сковорода (диаметр 7,5) для поджаривания кофейных зерен. Сверху она имеет почти сплош-

Самовар (медь; высота 10,5)

Машинка для колки сахара

Дерево, железо;
длина ножа 13

Еще один очень редкий предмет из обихода буфетной или кухни. На деревянной доске-основании горизонтально укреплена металлическая пластина с зубцами. Над ней — нож-резак с деревянной ручкой. Словно гильотина, он опускается на сахарную голову, лежащую на зубцах, и раскалывает ее на куски.

ную, с небольшим отверстием металлическую крышку, предназначенную для того, чтобы раскаленные на огне зерна не выпрыгивали наружу. Внутри сковородки находится лопатка, которая с помощью рукоятки, выходящей наверх, перемешивает зерна для их равномерного поджаривания. Нет сомнения, что существовала в Маленьком домике и крохотная мельница-кофемолка, но, видимо, она исчезла вместе с другими бесценными мелочами в годы скитаний модели.

Разбираясь в устройстве самовара или спиртовки, любишь красотой посуды и предметов хозяйственной утвари, видишь, сколько умения, смекалки, вкуса вложили мастера серебряных дел, жестянщики, медники, искусные ремесленники в эти миниатюрные предметы. В их отделке, орнаментах, узорах нет ничего лишнего, навязчивого.

Самовар

Серебро, слоновая кость; высота 7

Самый большой самовар Нашокинского домика. Конфорка его (подставка для заварного чайника) украшена прорезным орнаментом, колпачок, закрывающий жаровую трубу, завершается ручкой, выточенной из слоновой кости в виде цветка маргаритки, в центре которого — серебряная сердцевинка. Слоновая кость как нельзя лучше гармонирует с серебром. Такого рода отделка характерна для изделий прикладного искусства 1830-х гг. Но кость служила не только украшением, она выполняла и важную утилитарную роль — защищала от ожога. Этим материалом отделан края нашего самоварчика, ручки на его тулово, маленькие ручки на крышки — хватки (это слово произошло от глагола «хватать»: когда самовар кипел, крышки хватали за них и приподнимали, выпуская пар).

Столовое серебро
Длина ложки 4,3

Почти все предметы из серебра изготовлены для Домика московскими ювелирами. Свидетельство тому — клеймо с гербом Москвы, изображающим Георгия Победоносца. С помощью лупы можно обнаружить именные и годовые клейма на потемневших, покрытых патиной времени серебряных самоварах, подносах, плато. Одно из них выглядит так: Н.Д. 1834.

В 1969 году известный тогда специалист в области прикладного искусства Марина Михайловна Постникова-Лосева установила, что эти буквы означают имя и фамилию мастера Московской пробирной палаты Николая Дубровина. Не будем терять

надежды на то, что со временем откроются и другие секреты, узнаем мы имена и других чудо-мастеров, «подковавших» не одну «блоху» в Маленьком домике Нащокина.

Трудно вообразить дом или квартиру дворянина, помещика, богатого чиновника

Кухонный ларец для пряностей
Луб, железо; высота 5

пушкинской поры без фортепьяно или менее совершенных его собратьев — клавесина и клавикордов. Фортепьяно Домика — истинно королевский во всех отношениях инструмент. Кто же мастер, создавший это маленькое чудо? Над клавиатурой, в изящной бронзовой рамке читаем слова: Fr. Fischer Moscau.

Да, такой искусный мастер работал в Москве в 1830-е годы. По адресной книге, изданной Метелер-кампом и К. Нистремом в 1839 году, удалось установить, что немецкий мастер-«фортепьянщик» Федор Фишер жил в «третьем квартале Тверской части в доме Захарова». По-видимому, этот обрусевший немец и был тем, кто обозначен под фамилией Fischer. Буквы Fr., возможно, являются началом немецкого имени Fridrich, но, как это часто бывало, иностранцы, жившие в России, заменяли свое исконное имя на близкое по звучанию русское: так Фридрих стал Федором.

По рассказам современников, на этом «лилипутском» фортепьяно играла Вера Александровна Нащокина — жена Павла Воиновича — с помощью вязальных спиц, так как на клавиши не умещались даже ее тонкие пальцы. Искусная музыкантша, ученица известного композитора Джона Фильда, она вспоминала, как Пушкин часто просил ее играть на фортепьяно и «...слушал ее игру по целым часам...»²⁷.

Оба друга, Пушкин и Нащокин, любили музыку. Есть свидетельство, что Павел Воинович, будучи поклонником Ференца

Погребец

Дерево, кожа, замша;
7,6 × 13,3 × 8,6

Внутренность погребца выложена светлой замшей с углублениями-тизздами, повторяющими очертания каждого предмета.

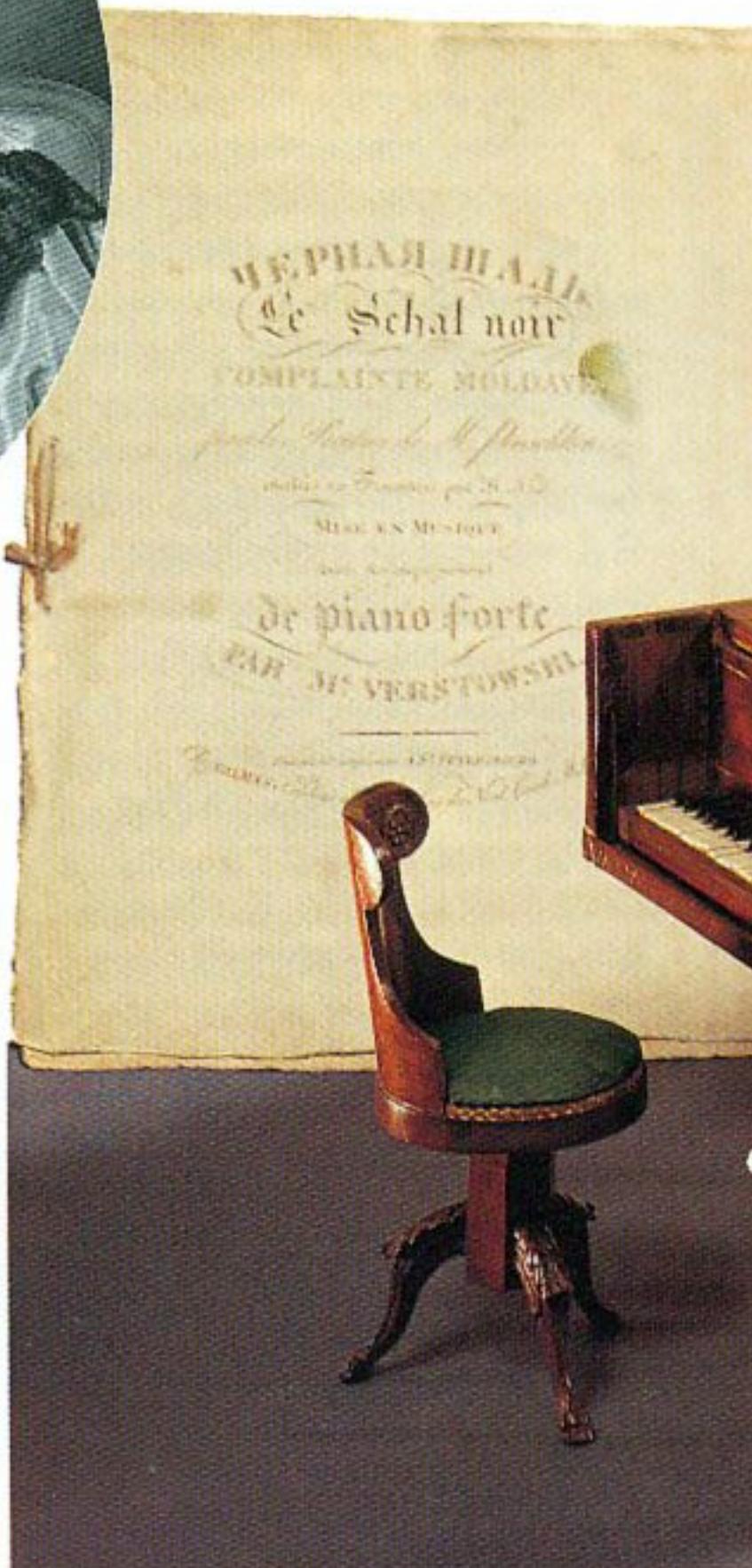

Листа, не только посещал его концерты в Москве, но и специально ездил в Петербург, чтобы не пропустить вечер, устроенный в честь композитора.

Конечно, в Маленьком домике была гитара. Присутствие ее в Нашокинском домике также отображает быт 1830-х годов. Звуки гитары, как и фортепьяно,

В.А. Нашокина
Миниатюра
неизвестного художника.
1830-е

Фортепьяно
Красное дерево, бронза;
высота 18

Сделан по всем правилам фортепьянного искусства. Корпус красного дерева поконится на ножках — точенных балюсинах, заканчивающихся медными роликами, благодаря которым инструмент можно легко передвигать. Кроме ножек, имеется резная, в виде лиры, подставка для педалей.

Круглое винтовое сиденье разборного стула к фортепьяно (высота 13) вращается, поднимаясь или опускаясь.

неизменно оживляли гостиную городского или помещичьего дома, где слушали камерную музыку, романсы и народные песни, так популярные в ту пору. Такие ассоциации рождаются, когда видишь фортепьяно или гитару Нашокинского домика. По словам мемуаристов, была в Домике и арфа — изделие известной в то время парижской фабрики Эрака. К сожалению, она до нас не дошла.

В мае 1836 года, в свой последний приезд в Москву, Пушкин писал жене: «Любит меня один Нашокин, но

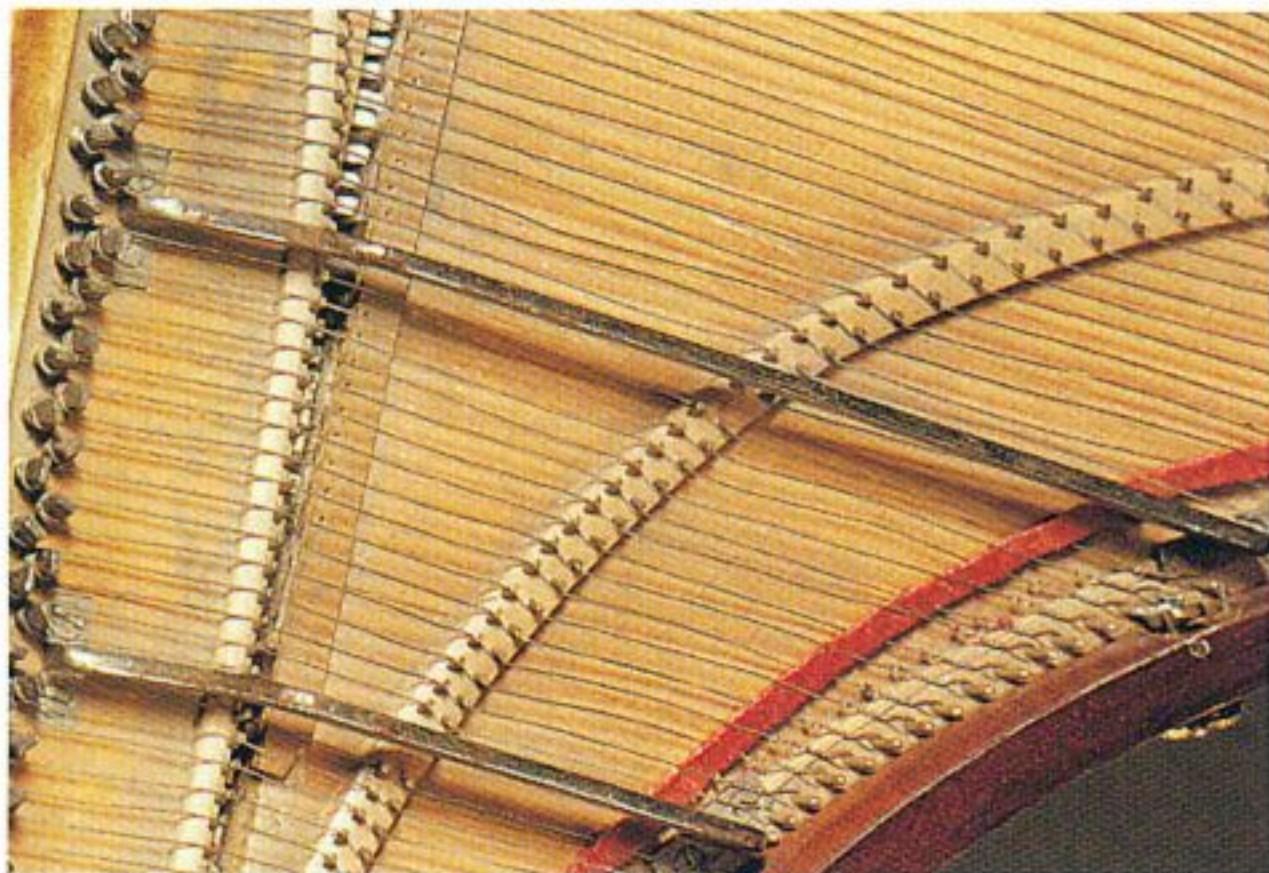

Клавиатура и струны фортепиано

Выдвижной лючок фортепиано украшен резьбой с изображением лиры, труб, листьев и ветвей лавра. Клавиши (ширина 0,3) отделаны слоновой костью.

Клавиатура маленького фортепиано — семь с половиной октав. Если поднять его крышку, то можно увидеть ниточки настоящих струн (длина 10–12). Когда нажимают на клавиши, отделанные слоновой костью, то слышно, как молоточки, прикрепленные к ним, ударяют по струнам. Действуют и педали, усиливающие звук. Но вот игра окончена. Крышку опускают и защипают крохотными крючками, скрытыми под бронзовыми розетками.

тинтере²⁸ мой соперник...»²⁹. Поэт назвал карточную игру «самой большой страстью». Нащокин, Пушкин и герои его произведений испытали силу этой, порой «погибельной», страсти.

В Маленьком домике Нащокина, разумеется, имеются карты и ломберные столы, составляющие неотъемлемую часть меблировки. Во время игры в карты в Домике Нащокина на зеленом сукне ломберного стола записывали взятки мелками в шитых бисером чехольчиках, чтобы не испачкались пальцы, а затем эти записи стирали щеточками, к сожалению, как и мелки, утерянными. Иногда раскрытый ломберный стол использовали как обычный. Пример тому — уже упоминавшаяся картина Н. И. Подключникова «Гостиная в доме Нащокиных», где хорошо виден ломберный стол со стоящими на нем чайной чашкой и блюдцем.

В пушкинское время был широко распространен и любим бильярд, так как, в отличие от настольных игр, способствовал разминке, разрядке при малоподвижном образе жизни. Родина бильярда — Китай. Название игры происходит от итальянского слова *biglia* — шар. В России бильярд появился при Петре I.

Бильярд Нащокинского домика избежал утрат, доставшихся на долю некоторых других миниатюрных

Диван, подушка,
шитая бисером, и гитара
Груша, красное дерево,
перламутр; длина 18

За годы скитаний Нащокинского домика гитара разрушилась настолько, что уже не подлежала реставрации. Однако замечательный мастер нашего времени сотрудник Государственного Исторического музея А. А. Альфонский по оставшимся фрагментам создал новую гитару, которая, кроме размера, ничем не отличается от настоящей.

вещей. Сохранилась висевшая на стене бильярдной аспидная доска (16,4 x 8,7) для записей, с полукруглыми чашечками для мелков и губки.

По словам мемуариста, Нашокин был большим любителем бильярда: «Он ездил почти ежедневно в английский клуб, выписал себе из Парижа дорогой кий, хранившийся под сбережением маркёра...»³⁰. Пушкин также любил эту игру. И. И. Пущин в своих «Записках» вспоминает опальный дом Пушкина в Михайловском: «В зале был бильярд; это могло бы служить для него (Пушкина. — Г. Н.) развлечением»³¹.

Ломберный стол
(красное дерево;
высота 14) и кресла.

Карты
(2,5 x 1,7)

По своей конструкции ломберные столы Домика похожи на овальный стол с одной наборной из различных деталей пижкой. Рассчитаны они были на четырех игроков. В обычном, неигровом, состоянии доска стола сложена пополам — зеленым сукном внутри. Для игры эти половинки, скрепленные внутри, легко раскрывались, сукном наружу, а по окончании — складывались, после чего стол убирали с середины комнаты и придвигали к стене, чтобы он не занимал много места. В колоде карт, исполненных по типу французских XVIII столетия, насчитывается 31 миниатюрная карта.

Есть в Домике атрибуты еще одной подвижной игры — в волан. Волан Нащокинского домика ($2,5 \times 1$) имеет пробку, обтянутую голубым бархатом. При нем — две ракетки, напоминающие теннисные. Словарь В. И. Даля дает описание волана: «...закругленная с одного конца пробка с перяным венцом на другом конце... леток, летучка; ее бьют вскидывая ракеткой, лаптой...»³². Игра в волан — прообраз современного бадминтона, леток которого сделан из пластмассы и не имеет перьев. В наше время вряд ли даже в музеях можно встретить предметы, применявшиеся в этой старинной игре.

Мемуаристы рассказывают, что в Нащокинском домике был целый арсенал оружия. До нас дошел только один «ящик боевой» с парой пистолетов. Нажимаешь белую костяную кнопку замка — и крышка ящика из черного дерева открывается. В отличие от кремневых пистолетов французского мастера Лепажа, описанных в «Евгении Онегине», конструкция нащокинских несколько иная, более совершенная. Это так называемые капсюльные пистолеты. В кремневом оружии порох воспламенялся искрой, высекаемой от удара кремня о стальную пластину — огниво. В пистолетах, сделанных по заказу Нащокина для Домика, применялся капсюль — колпачок (или трубочка) с гремучей смесью внутри. Когда курок ударял по капсюлю,

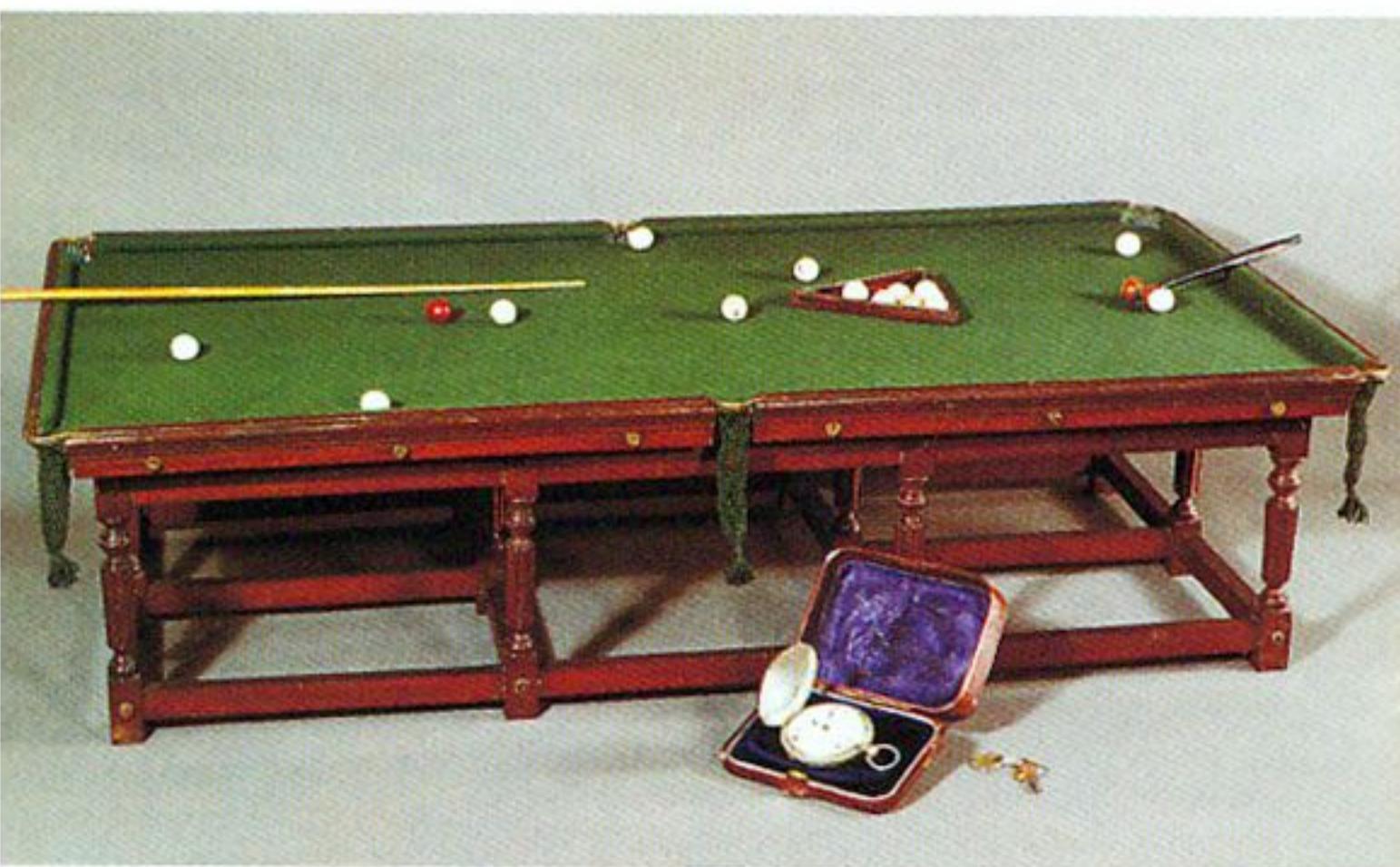

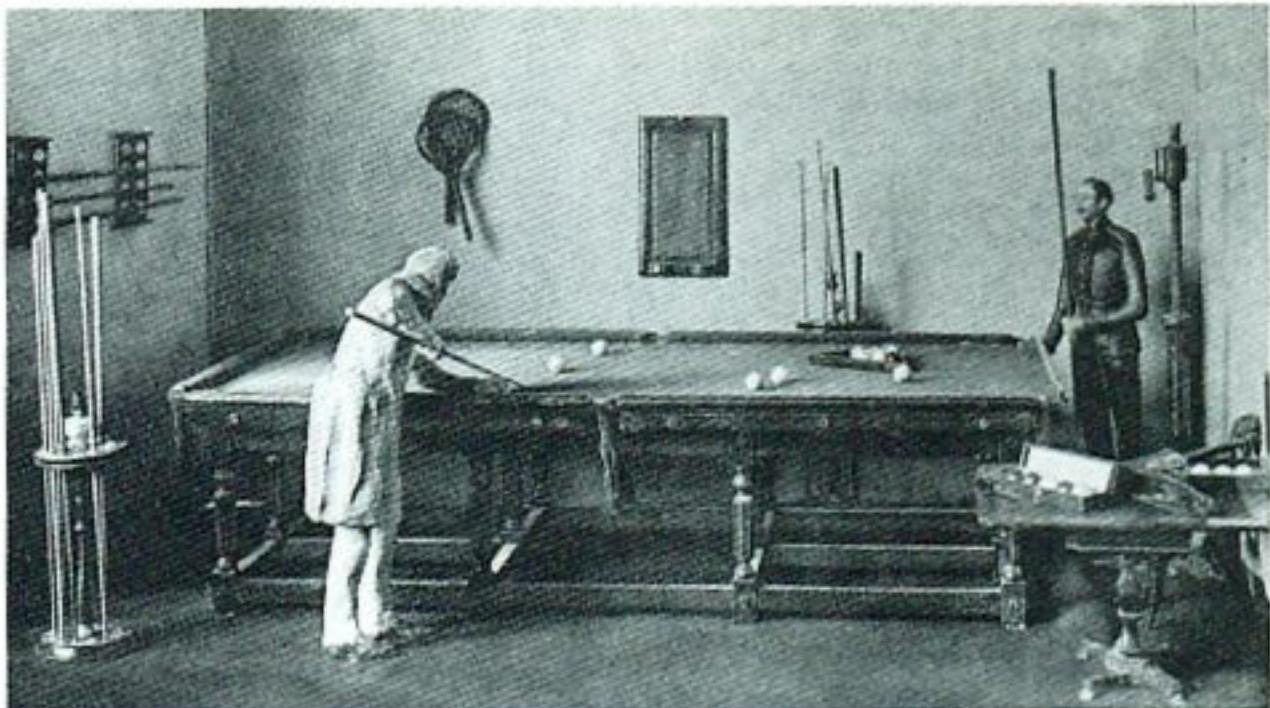
Бильярд. Ореховое дерево; высота 19, длина 74, ширина 38

Шары. Слоновая кость; диаметр 1,5

Рядом со столом — часы А.С. Пушкина.

Бильярдный стол, обтянутый зеленым сукном, на двенадцати ножках в виде канифированных колонок. Налицо все 15 шаров; один из них красный, им разбивали в начале игры пирамиду, уложенную в треугольнике. Имеется специальная ручка орехового дерева с двумя чашечками на конце — с ее помощью доставали далеко укатившиеся шары.

Бильярдная
Реконструкция 1910 г. Фотография

следовал выстрел. Капсюльный пистолет (его называли также пистонным) напоминает современные игрушечные пистолеты, стреляющие от удара курка по пистону. Если онегинские заряжались с дула, то нащокинские — с казны, расположенной внутри ствола, куда вводили пулю и заряд. Отвинтив ствол, в «казну» вкладывали пулю, обернутую пластирем (суконной тряпкой, пропитанной салом), чтобы пороховые газы не просачивались по стволу. Затем вставляли камору (прообраз современного патрона) — пороховой заряд, помещенный в цилиндр вроде гильзы, — и забивали его пыжом, чтобы не рассыпался порох. Зарядив таким образом пистолет, навинчивали обратно ствол рукой, а потом доворачивали отверткой. После этого оттягивали курок на предохранительный взвод и надевали капсюль на затравник — выступ с отверстием, из которого при ударе курка по капсюлю и взрыве гремучей смеси, в нем находившейся, огонь попадал внутрь пистолета. Для закрепления капсюля использовали вторую отвертку —

Бильярдист
Рисунок
А.С. Пушкина. 1824

рукоятку пулелейки. Теперь надо отвести курок до отказа. При этом автоматически выскакивает нижний курок (спусковой крючок); при легком нажиме на него механизм сработает: верхний курок ударит по капсюлю, гремучая смесь взорвется, огонь через отверстие затравника попадет в камору, порох воспламенится, и пуля вылетит из ствола. Итак, пистолет заряжен. Указательный палец лежит на курке, рука вытянута вперед... Теперь прицелимся... Однако у нашего пистолета нет мушки. Что это? Упущение мастера? Нет. Работа выполнена безукоризненно. А «ошибка» объясняется тем, что перед нами дорожный пистолет — у него, в отличие от дуэльного, ее нет, так как он предназначался для стрельбы в упор. В те времена путешествие часто было небезопасным. Порой путник подвергался нападению волков, разбойников. Вот на этот случай и брали в дорогу заряженные пистолеты. Их заранее вынимали из ящика и держали наготове в карманах, чтобы стрелять почти не целясь.

По сравнению с мебелью, убранством, посудой и прочим, предметов одежды и обуви в Нащокинском домике осталось мало — всего, если говорить учетно-

музейным языком, четыре единицы: цилиндр, две треуголки и ботфорты.

В ранней молодости, живя в Петербурге, Нащокин одно время служил в Кавалергардском полку. О том времени напоминали ему, наверное, миниатюрные ботфорты — высокие кавалерийские сапоги с твер-

Г.Г. ЧЕРНЕЦОВ
Парад на Царицыном лугу
в Петербурге. 1837. Деталь

Цилиндр (плюш, шелк, кожа; высота 4,5),
треуголка (фетр; высота 5),
трость (чешнечное дерево; длина 18,5)

Время посыпало фетровую треуголку и цилиндр с белой шелковой подкладкой внутри и полоской из красной кожи по краю. Трость опоясана плетеным шелковым шнурком, продетым сквозь булавочное отверстие, с кисточками на концах.

дыми голенищами, с широким раструбом вверху и подколенной вырезкой, сделанные по его прихоти.

Фетровая треуголка из Нашокинского домика наводит на мысль о Пушкине, о невеселых эпизодах его жизни. К новому, 1834 году по воле императора Николая I поэт получил звание камер-юнкера, что обязывало его являться на дворцовые церемонии, посещать балы. Поэт не любил надевать форму камер-юнкера. Сочувствием проникнуты слова писателя В. А. Сологуба: «Пушкина я видел в мундире только однажды, на петергофском празднике... Из-под треугольной шляпы лицо его казалось скорбным, суровым и бледным. Его видели десятки тысяч народа не в славе первого народного поэта, а в разряде начинающих царедворцев»³³.

До наших дней дошел в хорошей сохранности и плюшевый цилиндр с полями, слегка загнутыми вверх, модный в 1830-е годы. На картине Г. Г. Чернецова «Парад на Царицыном лугу» можно увидеть многих современников Пушкина, а сам он представлен в центре группы писателей: И. А. Крылова, Н. И. Гнедича,

В. А. Жуковского, Н. И. Гречи; цилиндр — непременная деталь костюма каждого из них.

Известно, что Пушкин любил ходить пешком. Живя в Петербурге, он совершал прогулки в Царское Село, и всегда неизменной его спутницей была палка. Выразителен автопортрет Пушкина, где он представил себя с тяжелой железной палкой. Сейчас она находится в Музее-заповеднике А.С. Пушкина в селе Михайловском. В Нащокинском домике также хранятся три трости. Не знаешь, какой из тростей Нащокинского дома отдать предпочтение: палке черешневого дерева, изящной трости черного дерева с каннелюрами либо третьей — с набалдашником из янтаря. Нам неизвестно, любил ли верховую езду Нащокин. Но Пушкин был прекрасным наездником. Верховая езда была всегда для

Ящик с пистолетами

Красное дерево; 5 × 7

Пистолеты

Сталь, бронза, чеканка; длина 4,4

Внутри ящика с пистолетами затянут синим шелком и бархатом. На стальной пластине, прикрепленной к борту, вырезано имя бельгийского мастера Юберти, работавшего в Льеже : *P. H. HUBERTY A LIEGE.*

В гнезда уложены два пистолета из стали с темным отливом, сверкающие позолотой бронзы. В особом гнезде лежит пулелейка: щипцы с полушариями на коротких концах — с ее помощью можно отлить настоящую пулю. Если ручки соединить, образуется полый шар, а сверху окажется крохотное, диаметром в 1 миллиметр, отверстие. В него можно влить расплавленный свинец, а когда металл застынет, раскрыть полушиария и выпнуть готовую пулю. Рукоятка пулелейки в форме колпачка, выполнившая также функции отвертки, была необходима при разборке и зарядке оружия.

Кабинет хозяина был одной из главных комнат в доме дворянина. Необходимость иметь уединенный кабинет ощущал и Нащокин, тем более, что дом его был всегда открыт для званых и незваных гостей.

Будучи в декабре 1831 года в Москве у еще холостого в то время Нащокина, Пушкин с некоторым раздражением писал Наталье Николаевне о беззаберной жизни друга: «...дом его (Нащокина. — Г. Н.) такая бестолочь и ералаш, что голова кругом идет. С утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчие, цыганы, шпионы, особенно заимодавцы. Всем вольный вход; всем до него нужда; всякий кричит, курит трубку, обедает, поет, пляшет; угла нет свободного... »³⁴.

Н. И. Куликов вспоминал, как гости Павла Воиновича часто засиживались у него допоздна и слуга его Карла-головастик обязан был уложить всех на ночлег, а сам хозяин, придя домой, тихо пробирался между спящими в свой кабинет. Порой Нащокин тяготился такой жизнью, но, слабовольный, слабохарактерный, он не в силах был изменить ее. Уединение было ему необходимо, а кабинет был

Пушкина потребностью и наслаждением: она спасала его от скуки и однообразия сельской жизни в михайловском или болдинском уединении.

Один из уникальных предметов Домика — английское скаковое седло на подставке-козлах, имеющей вешалку для сбруи.

Скаковое седло. Кожа; $H \times 8 \times 7$

Сохранилось седло безукоризненно, целы все детали: серебряная уздечка с мундштуком, подпрути, стремянное пуглище, нахвостник, налобник и пр. Такое седло вполне могло принять на себя маленького живого человечка. Скажем, перефразируя слова Пушкина, что к нему недостает только маленькой живой лошадки.

единственным убежищем, куда не допускались ночныхники, где он мог отдохнуть от гостей, предаться любимому занятию — чтению.

Многие современники отмечали незаурядный ум Нашокина, его широкие знания, безупречный вкус. Многих он опережал в понимании и оценке литературы, искусства. В то время, когда все зачитывались сочинениями А. А. Марлинского, он высмеивал пышность и вычурность его прозы и всячески пропагандировал еще малоизвестные в России произведения Бальзака.

Каким был кабинет Павла Воиновича, помогает представить Нашокинский домик. В любом кабинете прежде всего важен письменный стол. В домике их три. Один из них стоял, по всей вероятности, в Пушкинской комнате. Кушетка — типичный предмет обстановки кабинета. В Домике две одинаковые кушетки красного дерева (длина 33,5) с выгнутой спинкой и ножками, одна из них находится в кабинете.

Книги обычно находились в кабинете, но, по всей вероятности, в квартире Павла Воиновича, как и во многих дворянских домах, существовала библиотека. Известный советский библиофил

Ботфорты

Кожа, серебро; высота сапога 13,5

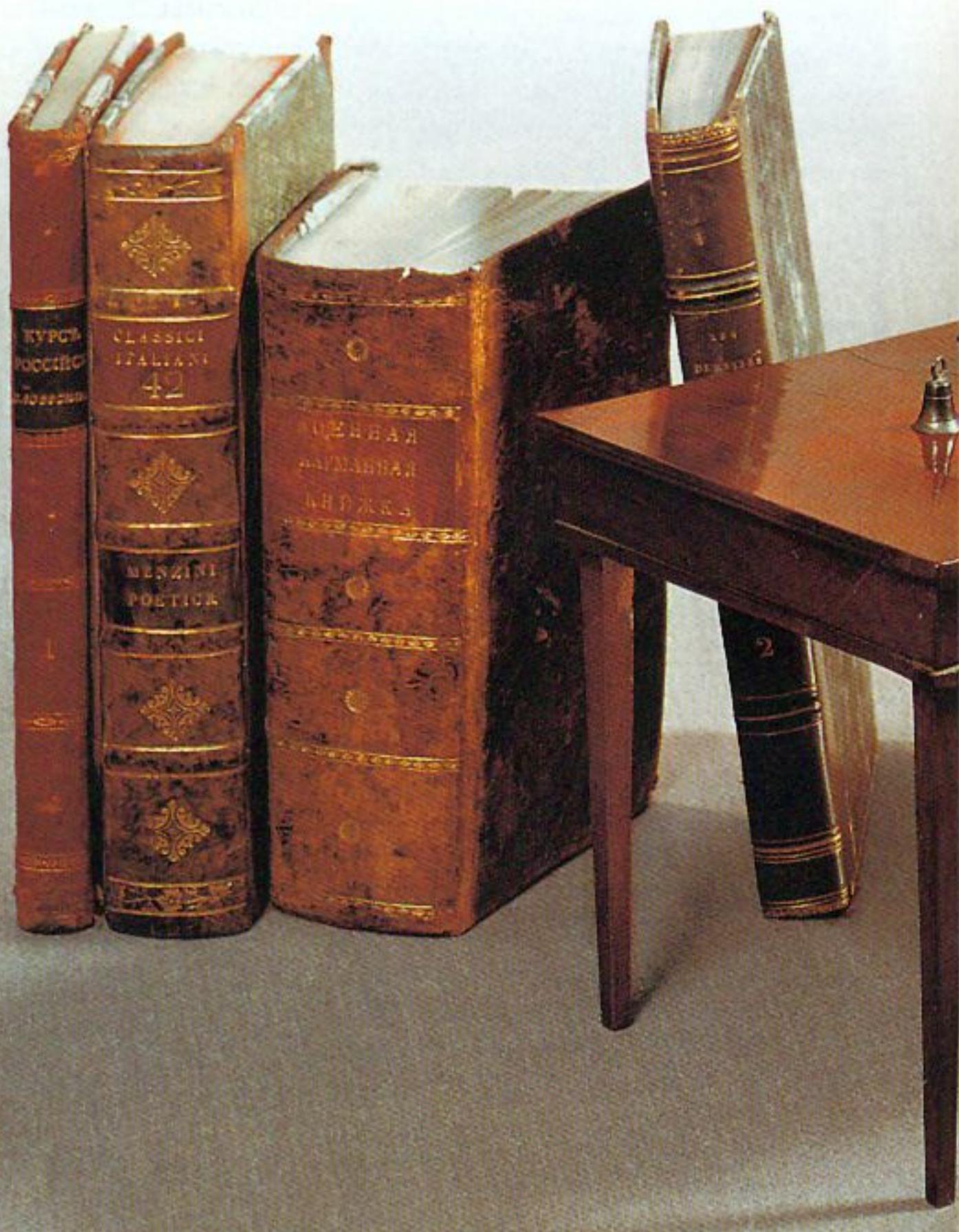
Ботфорты впирю разве что кукольному Щелкунчику. По словам современников, их сшил самый модный петербургский шорник Иван Пель. Его имя значится в адресной книге столицы на 1837 год⁵.

Счет, удостоверяющий заказ Нашокина, найти не удалось. Остается верить авторам мемуаров, что щегольские ботфорты стоили 40 рублей — деньги по тем временам немалые. Судя по выделке кожи, мельчайшей строчке, серебряным пряжкам на ремнях, охватывающих стопу, серебряным шпорам с колесиками, звенящим при ходьбе, пони-масинь — это работа мастера-ювелира. Не упущена даже такая характерная особенность, как деревянные колодки, которые употреблялись для сохранения формы голенища. Они состоят из трех долей. Сперва в сапог вставляют две крайние, затем между ними вводят среднюю, проталкивая ее в носок, до упора, с помощью ручки, вырезанной в верхней части этой доли. Таким образом колодки заполняли весь сапог.

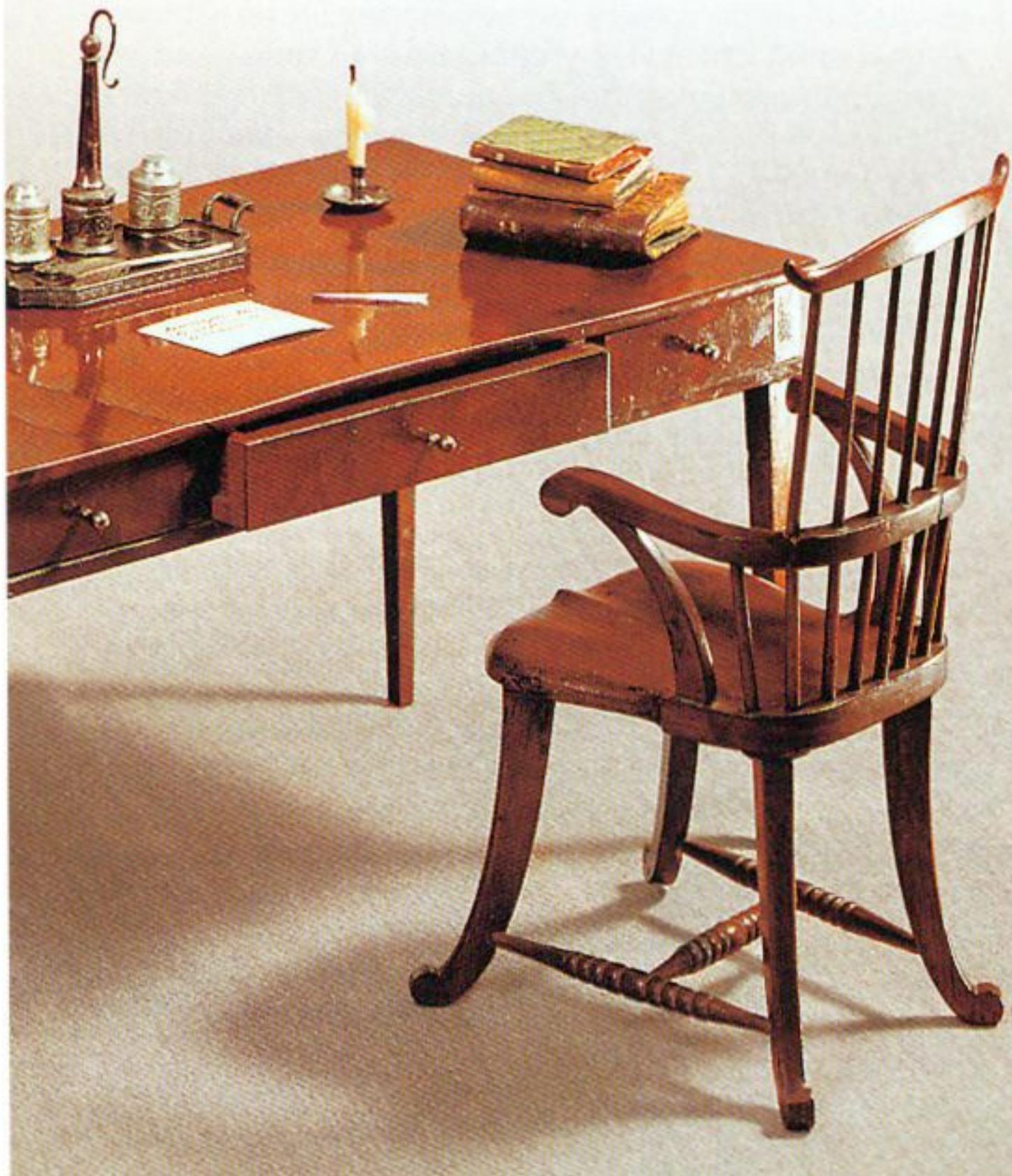

Письменный стол и кресло
Красное дерево; высота 15; 21
Книги из библиотеки А. С. Пушкина

В кабинете Нацокинского домика находятся письменный стол и кресло. Строгий по своим очертаниям, стол типичен для 30-х гг. XIX в. Ручки трех выдвижных ящиков, сделанные из тульской стали, являются единственным его украшением. Высокая прямая спинка с жердочками, жесткое сиденье с небольшим углублением и гладкие, без украшений подлокотники делают кресло удобным для работы за письменным столом. Подобное очень редкое кресло в английском стиле первой половины XVIII в. имеется в коллекции мебели Всероссийского музея А. С. Пушкина в Санкт-Петербурге. Оно отличается от миниатюрного лишь габаритами.

Федор Григорьевич Шилов писал: «Мне удалось случайно приобрести весьма ценную библиотеку друга Пушкина — П. В. Нащокина... Книги были прекрасные... преимущественно из библиотеки деда Нащокина»³⁶. В литературе есть сведения о миниатюрных книгах Нащокинского домика, напечатанных с помощью специально изготовленного шрифта. Уникальные книги и шрифт бесследно исчезли. Это одна из самых больших утрат Домика.

В кабинете Нащокинского домика висит полка для книг (высота 9,5; длина 15,5). В свое время, когда после войны воссоздавался кабинет Пушкина в Михайловском, взамен утраченной книжной полки была сделана новая, по образцу нащокинской. При чтении обычно держали под рукой специальный нож, так как книги выходили из типографии с неразрезанными страницами. В кабинете Маленького домика на письменном столе лежит подобный ножик из слоновой кости (длина 5,9).

В миниатюрном домике было несколько ширм. Обычно ширму ставили возле кровати или кушетки, она не только загораживала от сквозняков, но и создавала уютный камерный уголок. Был и экран — также типичный для того времени предмет. Его располагали перед пылающим камином, если огонь давал слишком много жару, либо перед холодным, чтобы не было видно его «жерла». Как правило, экран представлял собой квадратную деревянную раму на ножках с натянутой на нее драпировкой из ткани или вышивкой бисером, подобной той, что имеется в Нащокинском домике. Судя по сохранившемуся миниатюрному экрану (высота 21,5), был в Домике и настоящий камин.

С кабинетом часто соседствовала спальня. Была она и в Нащокинском домике. Особый интерес представляют кровать красного дерева и умывальный прибор из резной кости. Конструкция кровати (высота 29, длина 41) удобна, она легко разбирается (снимаются спинки, отделяются соединяющие их детали, и она распадается как карточный домик), легко переносится на новое место и так же легко и быстро собирается.

Как и одежда, не сохранились одеяла, подушки, перина, постельное белье, но цел наматрасник, сделанный также разборным — из двух частей, легко и

плотно вкладывающихся в раму кровати. Подматрасник набит морской травой и обтянут «затрапезой»³⁷.

Привычен для спальни и кабинета, где тоже иногда спали, умывальный прибор. Обычно он состоял из кувшина с водой и таза, которые помещались на столике, покрытом мрамором. Подобный прибор имеется и в Маленьком домике (высота 7,7; ширина 6,2).

Мемуаристы писали, что в Домике Нашокина были копии вещей Павла Воиновича: очки в футляре, комнатные туфли и даже ночной горшок. Крохотное судно, «на котором испразнится разве шпанская

Ширма с силуэтами
Красное дерево; высота 39

Створки ее состоят из двух частей. В верхней половине драпировка заменена типичными для эпохи силуэтами рисунками и цветными картинками из охотничьей жизни. Забавна сценка, которую можно назвать «Неудачный выстрел»: охотник, стреляя в зайца, попадает в своего приятеля, а заяц благополучно спасается бегством. Персонажи рисунков разнообразны: танцующие кавалер и дама, балерина, пассажир и кучер в двуколке, рыцарь со щитом и шпагой, барабанщик с трубой и барабаном, офицер, марширующий солдат, скачущий олень, медведь, летающие и скачущие чертики (один из них подкралился к даме сзади и дергает ее за подол) и т. п. Перед вами как бы листы модного альбома с выразительными, полными динамики фигурами.

Ширма с силуэтами замечательна и как образец готического стиля в мебельном искусстве 1830-х – начала 1840-х гг. Ажурное резное оглавие с мотивами трилистника выполнено с таким мастерством, что, если сложить створки ширмы, точно совпадут все просветы и контуры орнамента, ее украшающего.

муха», не сохранилось, но в прекрасном состоянии две плевательницы, которыми могли бы пользоваться «маленькие, живые человечки». Механизм действия плевательниц подобен современному: стоит нажать ручку стержня, как автоматически открывается полированная полукруглая крышка над латунным тазиком внутри деревянного футляра из орехового дерева, стоящего на трех ножках-шариках. По мере надобности тазик вынимался из футляра, его мыли и вставляли обратно.

Но вернемся снова в кабинет...

На специальной подставке черного дерева, в гнездах, отделанных костью, покоятся крохотные трубки, которые надеты на длинные чубуки, изготовленные из разных пород дерева. В статье, посвященной выставке

Нащокинского домика 1911 года в Москве, сообщается интересная подробность: «...любопытна подставка для трубок, модель которой усердно и безуспешно искал Художественный театр для своих постановок. Только теперь мы можем ознакомиться с этой деталью прошлого»³⁸.

Долгие задушевные беседы Нащокина с Пушкиным обыч-

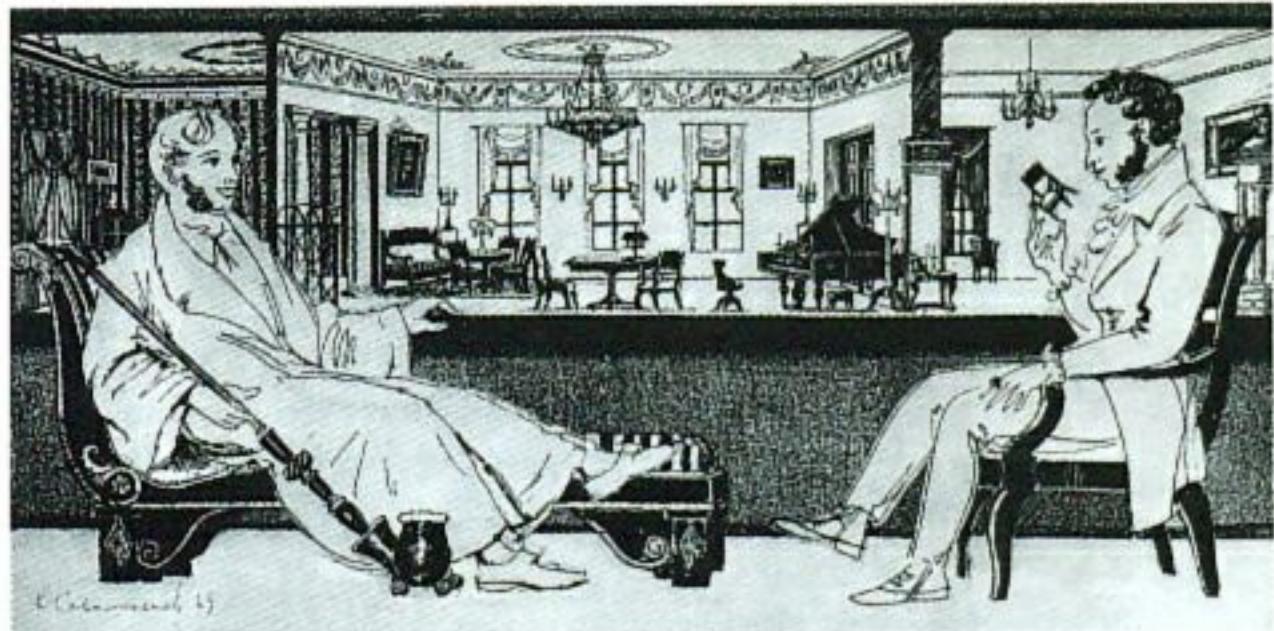
Подставка для чубуков

Черное дерево, кость; высота 23

Трубки

Диаметр 0,6

Трубки, вырезанные из пленки³⁹, кости, глины, хранят следы табака: по краям отверстий и внутри видна окалина. В верхнее отверстие чубука вставляли мундштук. Один из них (длина 2), выточенный из золотистого янтаря, особенно красив. Каждый курильщик имел собственный мундштук, который, подобно носовому платку, носил в кармане. Трубки, как и сигары, служили предметом угощения.

П.В. Нащокин и А.С. Пушкин у Нащокинского домика

Рисунок К. Е. Севастьянова, 1969

но сопровождались курением. «Когда бы нам с тобой увидеться, много бы я тебе наговорил; много скопилось для меня в этот год такого, о чем не худо бы потолковать. У тебя на диване, с трубкой в зубах»⁴⁰.

С именем Нащокина связана еще одна вещь, принадлежавшая Пушкину, — чернильный прибор. Основанием его служит книга. В центре — фигура обнаженного по пояс матроса-негра из черной и золоченой бронзы, опирающегося на якорь. К новому, 1832 году Нащокин прислал этот прибор Пушкину. Оригинальная чернильница является сейчас одной из достопримечательностей кабинета Пушкина в его последней квартире.

И на письменном столе Нащокинского домика стоит чернильный прибор — серебряный. В середине между песочницей и чернильницей — колонка с крючком, на котором висит колокольчик для вызова слуги. В Домике имеется еще одна чернильница, овальной формы, вырезанная из кости, с фигурами зайца и собаки, которая гонится за ним.

Но что за кабинет без часов? Типичные для той эпохи каминные часы золоченой бронзы с фигурой Наполеона — достопримечательность Маленького домика.

Многие в России находились под обаянием личности легендарного завоевателя. Пушкин в своей поэзии отдал дань величию полководца. Культ Наполеона отразился во множестве его изображений, в том числе и в предметах прикладного искусства. Пример тому — часы из Домика Нащокина.

Среди вещей поэта была чернильница в виде гробницы Наполеона. Сейчас эта реликвия хранится в фондах Всероссийского музея А. С. Пушкина.

До нас дошли находившиеся в кабинете Пушкина каминные готические часы, остановленные В. А. Жуковским в момент смерти поэта — в 2 часа 45 минут пополудни 29 января 1837 года. Другие, карманные серебряные, часы, принадлежавшие Пушкину, после его смерти Наталья Николаевна подарила Нащокину. Он, в свою очередь, подарил их Н. В. Гоголю — достойнейшему преемнику А. С. Пушкина. После смерти Гоголя Павел Воинович, по просьбе студентов, передал часы в Московский университет. Дальнейшие пути привели реликвию во Всероссийский музей А. С. Пушкина.

Вера Александровна Нащокина утверждала, что эти часы были у Пушкина во время дуэли. Но, отправляясь на поединок, поэт не надел кольцо, подаренное ему Нащокиным ... Некогда «Войныч» заказал два одинаковых

Часы напольные
Красное дерево; высота 30,5

Каминные часы

Бронза золоченая; высота 9

На постаменте часов циферблат в венке из листьев лавра и дуба — символов славы и вечности. Над ним — каска, увенчанная изображением орла с расплющенными крылами. Рядом — осененная победными знаменами невысокая фигура Наполеона Бонапарта, стоящего в горделивой позе со скрещенными на груди руками. Император одет в военный мундир, на голове — треугольная шляпа.

кольца с бирюзой. Одно носил сам, другое, тревожась за жизнь друга, вручил Пушкину, когда провожал его в Петербург из Москвы весной 1836 года. Это была их последняя встреча. Поэту оставалось жить немногим более восьми месяцев. О судьбе кольца В. А. Нащокина вспоминала: «Когда Пушкин после роковой дуэли лежал на смертном одре и к нему пришел его секундант Данзас, то больной просил его подать ему какую-то небольшую шкатулочку. Из нее вынул бирюзовое колечко и, передавая его Данзасу, сказал:

— Возьми и носи это кольцо. Мне его подарил наш общий друг, Нащокин. Это — талисман от насильственной смерти⁴¹. Итак, в день дуэли с Дантесом на руке у Пушкина не было этого кольца. Почему? Может быть, он не хотел перечить судьбе? Искал в поединке смерти как выхода из своего мучительного положения?

В Нащокинском домике есть две маленькие шкатулочки-ларца. Одна — перламутровая, с прорезным орнаментом, отделанная золотом, другая — обтянутая кожей, с запором-крючком. По всей вероятности, в них хранились совсем крохотные драгоценности для маленьких обитателей Домика Нащокина.

Но едва ли не самой большой драгоценностью Маленького домика являются напольные английские часы

(высота 30,5). Можно возразить, сказав, что такие часы часто встречались в интерьерах дворянских домов. Вот и в Музее-квартире Пушкина на Мойке, 12, в столовой стоят подобные. Но ценность миниатюрных часов из Домика в их мемориальности.

В годы скитаний Домика, после того как Нащокин заложил его и не смог выкупить, часы долгое время молчали: сломался механизм, потерялся ключ для замка. Но, когда в 1953 году Домик обрел свое место в музее, автору этих строк, в то время хранителю уникальной модели, удалось найти мастера — Михаила Афанасьевича Лапкина, который сумел починить эти редкостные часы и сделал новый ключ. Чудо свершилось: часы ожили, заговорили. С тех пор уже 47 лет они исправно ходят, не требуя ремонта. Завода хватает на сутки с половиной. А потом откидывается маленький крючок, открывается верхняя дверца футляра с выпуклым стеклом, закрывающая циферблат, ключик вставляется в крошечное отверстие серебряного диска... Затем открывается нижняя дверца, за которой виден маятник. Несколько поворотов ключа, легкий толчок, придающий ускорение стрелкам, — и они начинают двигаться, совершая свой мерный круг, раздается тихий, но внятный звук, которому внимал Пушкин... «Домик Нащокина доведен до совершенства — недостает только живых человечков»...

Примечания

- ¹ Кулаков Н. И. А. С. Пушкин и Н.В. Нащокин: Очерки и воспоминания // Русская старина. 1880. № 12. С. 994.
- ² Куприянов А. И. Собр. соч.: В 9 т. М., 1973. Т. 9. С. 130.
- ³ Предисловие Н.И. Бартенева к письму Н.В. Гоголя Н.В. Нащокину // Русский архив. 1878. Т. I С. 76.
- ⁴ Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. III. СПб., 1803. С. 14.
- ⁵ Пушкин А.С. Письма, собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937—1939. Т. XII. С. 290—291 (далее *Пушкин*). Все последующие цитаты из произведений А.С. Пушкина будут даваться по этому изданию с указанием тома и страницы.
- ⁶ *Пушкин*. XII. 311.
- ⁷ Кулаков Н. И. А. С. Пушкин и Н. В. Нащокин... С. 996.
- ⁸ Там же. С. 610.
- ⁹ *Пушкин*. XV. 36.
- ¹⁰ Н. В. Ашеников и его друзья. СПб., 1892. С. 470.
- ¹¹ Гоголь Н. В. Письма, собр. соч.: В 14 т. М., 1940—1952. Т. 12. С. 73.
- ¹² А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 199.
- ¹³ Кулаков Н. И. А. С. Пушкин и Н. В. Нащокин... С. 996.
- ¹⁴ *Пушкин*. XIV. 245.
- ¹⁵ *Пушкин*. XV. 33.
- ¹⁶ *Пушкин*. XVI. 3.
- ¹⁷ Толбин В. В. Московские оригиналы былых времен (Заметки старожила) // Искра. 1866. № 47. С. 625.
- ¹⁸ Вельтман А. Повести и рассказы. М., 1979. С. 362—363.
- ¹⁹ Толбин В. В. Московские оригиналы... С. 624.
- ²⁰ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 198.
- ²¹ Кулаков Н. И. А. С. Пушкин и Н. В. Нащокин... С. 994.
- ²² Нылзев М. И. Замечательные чудаки и оригиналы. М., 1999. С. 6—7.
- ²³ Кулаков Н. И. А. С. Пушкин и Н. В. Нащокин... С. 994.
- ²⁴ Толбин В. В. Московские оригиналы... С. 624.
- ²⁵ Даль В. Толковый словарь: В 4 т. Т. 4. М., 1991. С. 132.
- ²⁶ В начале XIX в. самовар — сооружение технически сложное — был еще очень дорог, и бедные люди кипятили воду в простых медных чайниках.
- ²⁷ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 202.
- ²⁸ Тингтере — род карточной игры.
- ²⁹ *Пушкин*. XVI. 116.
- ³⁰ Нылзев М. И. Замечательные чудаки... С. 7.
- ³¹ Пушкин Н. И. Записки о Пушкине: Письма. М., 1956. С. 83.
- ³² Даль В. Толковый словарь. Т. 1. М., 1989. С. 232.
- ³³ Соллогуб В. А. Воспоминания. М.; Л., 1931. С. 594.
- ³⁴ *Пушкин*. XIV. С. 249.
- ³⁵ Нистрем К. Книга адресов С.-Петербурга на 1837 г. СПб., 1837. С. 1459.
- ³⁶ Шилов Ф. Г. Записки старого книжника. М., 1959. С. 76.
- ³⁷ Затранеза, или затранез, — полосатая лынная или пеньковая ткань, получившая название от фамилии куница Затранезного.
- ³⁸ Нащокинский домик // Синий журнал. 1911. № 26. С. 7.
- ³⁹ Пенка — легкая огнестойкая пористая порода.
- ⁴⁰ *Пушкин*. XVI. 4.
- ⁴¹ А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 205.

НАЩОКИНСКИЙ ДОМИК

Автор

Граната Иустиновна НАЗАРОВА

Художник Е.П. Гаврилов

Редактор И.В. Харитонова

Редактор-стилист Л.В. Денисова

Редактор компьютерной верстки

Н.К. Соколова

Издательство «Аврора», 191186, Санкт-Петербург, Невский пр., 7/9

ЛР № 010131 от 04.03.97. Изд. № 2924. Тираж 10000 экз.

Издательство «Янтарный сказ», 236000, Калининград, ул. К. Маркса, 18

ЛР № 010276 от 02.02.98

Сканирование и цветоделение выполнены репростудией
«Русская классика», 191186, Санкт-Петербург, Невский пр., 7/9

Отпечатано с готовых диапозитивов на Государственном
издательско-полиграфическом предприятии «Янтарный сказ».
236000, Калининград, ул. К. Маркса, 18

Заказ 6232.

Серия
БИБЛИОТЕКА «АВРОРЫ»

знакомит
с широко известными шедеврами живописи,
культуры и прикладного искусства,
с уникальными реликвиями,
а также с удивительными судьбами людей,
которые своей жизнью и деятельностью
повлияли на ход всемирной истории.

Серия рассчитана
на широкий круг читателей — от школьников,
еще только начинающих приобщаться
к миру прекрасного, до профессионалов.

При жизни Пушкина
другу его, Павлу Воиновичу Нашокину,
пришла на ум счастливая мысль:
скопировать свою квартиру,
где так любил бывать великий писатель,
в уменьшенном виде, со всей обстановкой.

«Предположив себе людей
в размере среднего роста детских кукол,
он по этому масштабу
заказывал первым мастерам
все принадлежности к этому дому».

Так появился на свет знаменитый
Нашокинский домик...

Издательство «Аврора» · Санкт-Петербург
Издательство «Янтарный сказ» · Калининград